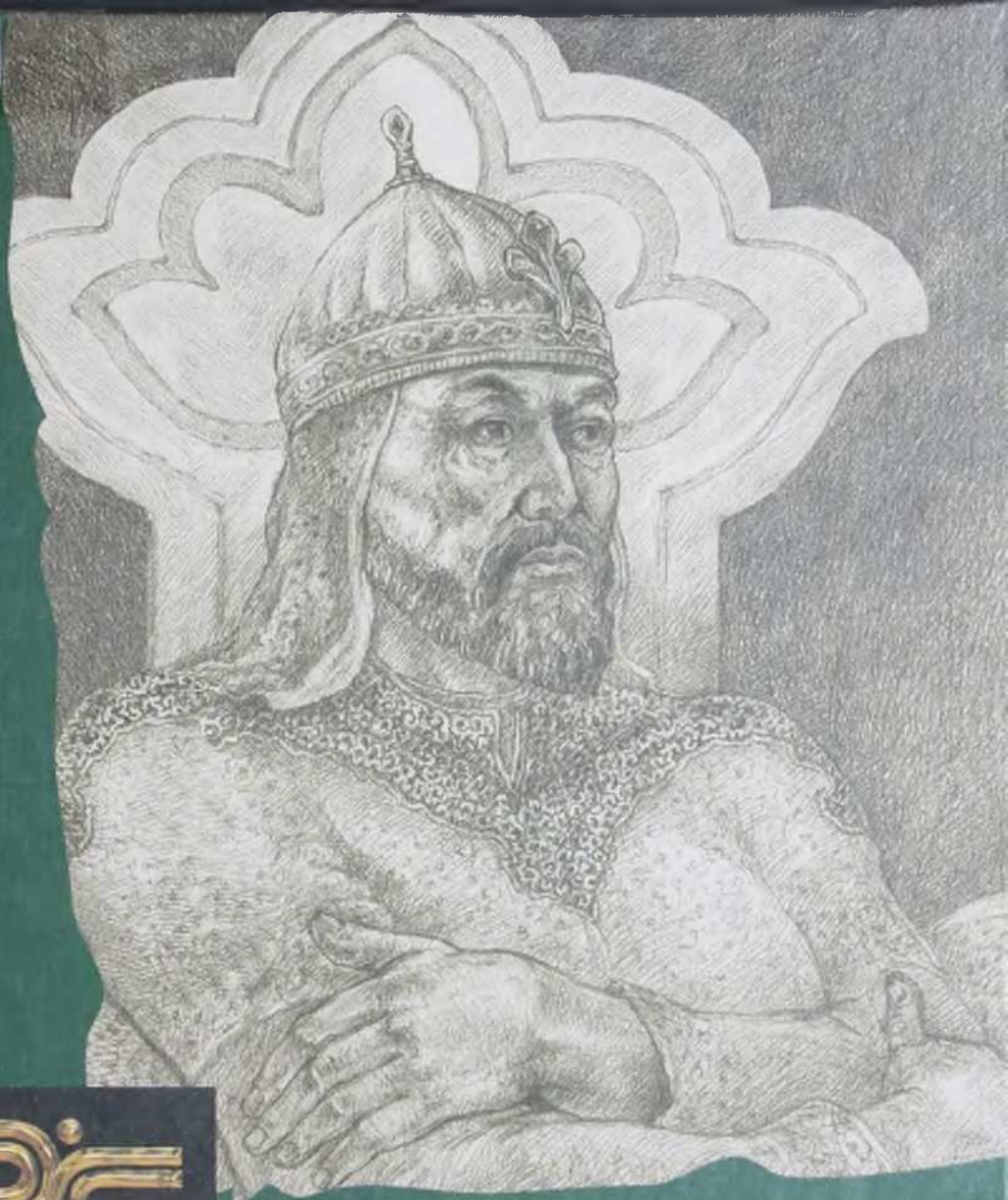



Б 63.3(3)  
С89



СЛОВО СЕДЬМОЕ

ТУРСУН СУЛТАНОВ  
ТИМУР  
И ЕГО ИМПЕРИЯ



Ребенок рождается на свет, наследуя два  
качала. Первое из них требует еды, питья и  
сна. Это - потребность плоти, без этого тело  
не может существовать приставившись для души, не  
будет расти и крепнуть. Другое - тяга к по-  
знаванию.

Младенцу тянется к ярким вещам, бе-  
рет их в рот, пробует на вкус, прикасывается к  
щек. Встречаются, услышав звуки дудки или  
свирели. Подростки, боятся на лай собаки, на  
голоса

зрительный, на смех и плач людей, турбует  
покой, спрашивает обо всем, что видят  
глаза и слышат уши: "Что это? Зачем это?  
Почему он так плачет?". Это уже потребность  
души, желает все видеть, все слышать, всему  
участовать.

Не раскрыв для себя видимость и невидимость  
тайн Вселенной, не обидевшись всего себе, человеку  
не стать человеком. И бытие души такого чело-  
века тогда ничем не отличается от бытия  
иной твари.

Изначально Бог отличил человека от жи-  
вотного тем, что наделил его душой. Почему же,  
повзрослев

и поумнев, не ищем и не находим  
удовлетворения помы любви к нему, что  
в детстве заставляло нас забывать о еде и  
сне?

Почему же не избираем путь той, кто ищет  
знаний? Как бы неустанно ширится круг своих  
интересов, множится знания, которые  
питают наши души. Как бы пожить, что  
блага души неравненно выше телесных,  
и пожить телесные потребности великого  
души.

8 63.3(3)  
С 89  
4.3

# ТУРСУН СУЛТАНОВ

# ТИМУР

# И ЕГО ИМПЕРИЯ

С. ТОРАЙЫ - С. АТЫНДАҒЫ ПАВЛОДАР МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІ

С. БЕЙСЕМБАЕВ АТЫНДАҒЫ  
ҒЫЛЫМИ КІТАПХАНАНЫҢ БАҚЫЛАУ ДАНАСЫ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР  
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. С. БЕЙСЕМБАЕВА

ПАВЛОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. С. ТОРАЙЫРОВА

С. ТОРАЙЫРОВ АТЫНДАҒЫ ҒЫЛЫМИ КІТАПХАНА

С. БЕЙСЕМБАЕВ АТЫНДАҒЫ ҒЫЛЫМИ КІТАПХАНА

АЛМАТЫ - МЕКТЕП

ЧЕКОВСКИЙ ЗАМ.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. С. БЕЙСЕМБАЕВА

ПАВЛОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. С. ТОРАЙЫРОВА



8 63.3(5)



551471

С.Торайғыров  
атындағы ПМУ-дің  
академик С.Бейсембаев  
атындағы ғылыми  
КІТАПХАНАСЫ



МИР НИЧТОЖЕН И МАЛ —  
Я ДЕРЖАЛ ЭТОТ МИР НА РУКЕ.  
И, ПОВЕРЬ, ДВУМ БОГАМ  
ТЕСНО БУДЕТ В ОДНОМ КУЛАКЕ.

ПРАВИТ НЕБОМ ТЕНГРИ —  
ПУСТЬ ПАРИТ В НЕБЕСАХ ЕГО ТРОН.  
НА ЗЕМЛЕ БОГ — ТИМУР!  
ТЫ, ТЕНГРИ, МОЮ ЗЕМЛЮ НЕ ТРОНЬ!

СУТИ НЕТ, РОДА НЕТ,  
ТЫ, ТЕНГРИ, — ПЕРЕКАТНАЯ ГОЛЬ!  
НА ЗЕМЛЕ БОГ — ТИМУР!  
РОДОМ — ТЮРК, А ПО СУТИ — ОГОНЬ!

*Магжан Жумабаев*

ТИМУР





РАСПАД  
ЧАГАТАЙСКОЙ  
ДЕРЖАВЫ  
В ТУРКЕСТАНЕ

XIV столетие — важный период в истории народов Средней Азии. Основное политическое содержание эпохи — это образование в Семиречье и Восточном Туркестане Моголистана и государства Тимура в Мавераннахре, среднеазиатском междуречье Амударьи и Сырдарьи. Эти новые государственные образования в XIII — первой половине XIV века составляли единую державу, которая в мусульманских источниках именуется *Улусом Чагатая*, или *Чагатайским государством*. Поэтому прежде чем начать рассказ о Тимуре и его империи, рассмотрим историю образования, политического бытия и распада Чагатайского ханства.

В полном соответствии с представлениями той эпохи о родовом владении Чингиз-хан еще при жизни разделил завоеванные земли и народы между своими сыновьями и ближайшими родичами. Каждому из них был выделен удел с определенным количеством войска и зависимых людей. Границы этих улусов-владений, которые в некоторых источниках называются *йуртом*, были определены в самых общих чертах. Монгольский обычай требовал, чтобы степень отдаленности удела каждого сына соответствовала его возрасту. Поэтому Джучи, старший сын, получил самый отдаленный удел. После расширения пределов империи к нему и его потомкам перешли все завоеванные монголами земли на крайнем северо-западе, «до тех мест, куда доходили копыта татарских коней».

Улус (удел) Чагатая, второго сына Чингиз-хана, простирался от Южного Алтая и Восточного Туркестана до Амударьи, захватывая часть земель по ее левобережью. Улус третьего сына, Угедая, располагался на Тарбагатае, на берегах Эмиля и Кобука. Младший, четвертый сын, Тулуй, не получил удела — по тогдашнему обычаю, он должен был наследовать после смерти своего отца войско и его коренной *йурт*.

Первый правитель туркестанских владений монголов Чагатай был вторым сыном Чингиз-хана от его старшей жены Борте из племени конграт. Дата его рождения точно не установлена. Еще при жизни своего отца он слыл лучшим знатоком «Ясы», кодифицированного Чингизханом монгольского обычного права, и высшим авторитетом во всех вопросах, связанных с законами и монгольскими обычаями. Как и его братья, он принимал участие в походах своего отца в Китай в 1211—1216 годах и в Туркестан в 1219—1224 годах против хорезмшаха Мухаммада. После смерти отца Чагатай не участвовал ни в одном военном походе.

Столицей Улуса Чагатая был город Алмалык в Семиречье, в верховьях реки Или. Как у всех монгольских государей, у Чагатая были две особые ставки — *орды* — для зимы и для лета. Зимняя резиденция называлась Мераузик-Ила, а летняя — Куяш, обе они находились в долине Или. Ставка преемников Чагатая, согласно автору XIII века Джувейни, называлась по-тюркски *Улуг-Иф* (Большой Дом).

Имена, географические названия и термины даны в транскрипции, принятой автором.







Еще при жизни отца Чагатай слыл лучшим знатоком «Ясы» и высшим авторитетом во всех вопросах, связанных с законами и монгольскими обычаями.

После смерти в 1227 году отца и старшего брата Джучи Чагатай остался старшим в ханском роде и пользовался непререкаемым авторитетом. По словам Рашид ад-Дина, автора «Сборника летописей», главного источника по истории Монгольской империи, Чагатай обладал такой фактической властью во всей империи, что даже сам великий хан Угедей (правил в 1229—1241) не принимал сколько-нибудь важных решений «без его совета и одобрения».

Однако при всем этом Чагатай не являлся самостоятельным государем своего улуса. Правителем культурных областей Мавераннахра и Восточного Туркестана был мусульманин Махмуд Ялавач, назначенный великим ханом. Великий хан назначал и начальников монгольских войск в Мавераннахре. Чагатай как улусный правитель не имел полномочий смещать их без согласия великого хана.

Как в мусульманских, так и в китайских источниках Чагатай характеризуется как человек «осторожный, бдительный и суровый», никогда не допускавший на своем лице улыбки и внушавший подданным только ужас. Будучи знатоком и блюстителем «Ясы», Чагатай очень жестко обходился с нарушителями монгольских законов, а поскольку мусульманские обычаи часто вступали в противоречие с «Ясой», он относился к исламу неблагоприятно.

Кровавая жестокость, с которой Чагатай карал всякие проступки, возводимые им в ранг преступления, сделала его имя ненавистным мусульманам. По поводу смерти Чагатай историк Джувейни приводит стихи персидского поэта Седида А'вара, оканчивающиеся строками:

Тот, из страха перед кем никто не входил в воду,  
Потонул в океане, очень широком.

Чагатай умер в начале 1242 года, пережив лишь на несколько месяцев своего брата Угедея, великого хана.

Из всех сыновей Чингиз-хана Чагатай, как впервые отметил академик В. В. Бартольд, был единственным, чье имя легло в основу:

— официального термина, обозначающего среднеазиатское монгольское государство;

— названия кочевников, составлявших военную силу Чагатайского государства;

— названия тюркского литературного языка, сложившегося в Средней Азии в эпоху Тимуридов, — *чагатай тюркиси*.

В 60-х годах XIII века единству Монгольской империи был нанесен окончательный удар. После смерти в 1259 году великого хана Мунке (Менгу) в борьбу за престол включились два его брата, и в 1260 году они были **одновременно** провозглашены великими ханами: Арик-Буга —



в Монголии, в Каракоруме, и Хубилай — в Китае, в Кайпине. Уже к середине 60-х годов XIII века Монгольская империя распалась на четыре улуса-государства, каждое из которых возглавляли потомки Чингиз-хана.

В смутные годы конца 60-х XIII века ханом среднеазиатских владений монголов был провозглашен в Узгенде Чагатаид Барак. Но вскоре он должен был подчиниться внуку великого хана Угедея, Хайду, которого поддерживали Джучиды Дешт-и Кипчака. Весной 1269 года на берегу реки Талас состоялся *курултай* — съезд монгольских царевичей и знати улуса Чагатая и Угедея, на котором было принято решение о создании в Средней Азии полностью независимого от великого хана государства под владычеством Хайду.

Низложенный Барак-хан до своей кончины в 1271 году оставался главой чагатайских царевичей, но верховная власть в улусе перешла из дома Чагатая в руки потомков Угедея — младшего брата Чагатая.

Хайду был одним из самых выдающихся представителей рода Чингизидов. Он пользовался славой необычайно храброго воина, отличался редким природным умом, исключительной щедростью и справедливостью. С дарованиями полководца Хайду счастливо соединял холодную расчетливость политика и умение пользоваться обстоятельствами. Говорят, передает его современник Рашид ад-Дин, что борода Хайду состояла из девяти отдельных седеющих клоков волос и что он был среднего роста и строен. Помня о том, насколько губительной для отца и деда оказалась страсть к горячительным напиткам, он отличался едва ли не от всех Чингизидов тем, что никогда не пил ни вина, ни кумыса, а также не употреблял соли.

С Хайду, с этим суровым воином и расчетливым политиком, связано трогательное повествование.

Он имел двадцать четыре сына и несколько дочерей. Одну из его дочерей звали по-монгольски Хутулун-Чаха, а по-тюркски — Ай-Ярук (Блеск Луны). Хайду ее любил больше всех своих детей, да и царевна очень любила отца и хотела во всем походить на него. Повадки у нее были, как у юношей, говорится в источнике. Ай-Ярук была женщиной-воин, лихая всадница, она принимала участие в походах и совершала ратные подвиги, пользовалась у отца большим уважением и была ему во многом подмогой. Да и не диво, по словам великого путешественника XIII века Марко Поло, дочь Хайду была физически очень сильна, красиво сложена, высокая да плотная, почти что великанша.

Долго она не выходила замуж, заявляя, что выйдет только за того, кто поборет ее, а побеждала всех она. Отец также ни за кого не хотел ее выдавать, в народе даже распространился слух, что он ее любит не как дочь. Чтобы покончить с этими пересудами, Хайду отдал дочь за





Одну из дочерей Хайду звали Ай-Ярук. Отец любил ее больше всех своих детей, да и царевна очень любила отца и хотела во всем походить на него.

своего главного стольника по имени Абтакул, который отличался необычайной храбростью, высоким ростом и был красив. Царевна Ай-Ярук сама выбрала Абтакула в мужа и имела от него двух сыновей.

Хайду умер в 1301 году. Останки хана перевезли в горный район на юго-западе современного Казахстана под названием Шонхорлык, что между реками Или и Чу, и там предали земле. Туда же перебралась и любимая дочь Хайду, Ай-Ярук. «Живет она там скромно, — говорится в источнике, — и охраняет заповедное место погребения отца». Жертвенная преданность Ай-Ярук памяти любимого отца трогала сердца людей и вызывала сочувствие у современников, знавших ее удивительную судьбу.

Если воспользоваться классификацией Платона, греческого философа, жившего до новой эры (427—347), любовь царевны Ай-Ярук к своему отцу Хайду — это любовь-агапэ, которая благодаря бескорыстию, готовности жертвовать ради другого своими личными интересами признавалась высшим из земных чувств человека.

После смерти Хайду его сын и преемник Чапар был низложен Дувой (Тувой), сыном Чагатаида Барак-хана. И верховная власть в Мавераннахре, Семиречье и Восточном Туркестане от потомков Угедея снова перешла к потомкам Чагатая.

Таким образом, начало XIV века совпало с началом возрождения рода Чагатая, восстановления и утверждения прав этого рода в собственном улусе. И Дуву следует рассматривать как подлинного основателя собственно Чагатайской державы.

После смерти Дувы от паралича в 706 году хиджры/1306—1307 в Чагатайском государстве один за другим правили пятеро братьев, сыновей Дувы — случай единственный в средневековой истории Средней Азии. После обычной в таких ситуациях междоусобной борьбы за власть в конце концов на престол был возведен царевич Есен-Буга, старший сын Дувы.

Как потомки Угедея — Хайду и Чапар, так и Дува, и другие царевичи из рода Чагатая оставались язычниками, их ставка — *арда* — находилась в восточных областях, в долине реки Или. Есен-Буга-хан умер в 1318 году. Царство перешло к его брату Кебеку (Копеку), который правил до 1326 года. Он не принял ислама, но принял решение переселиться из долины Или в культурные области Мавераннахра и построил для себя дворец в низовьях Кашкадарьи, недалеко от Нахшеба. Этот дворец, по-монгольски — *харш*, дал название и городу Карши, название, сохраненное до сих пор.

Переход Чингизидов в города считался нарушением «Ясы» Чингизхана, и каждая попытка отойти от кочевого образа жизни сталкивалась

с сопротивлением предводителей кочевых родов и племен, составлявших основную военную силу государства. Чтобы привлечь на свою сторону представителей главных родов улуса, Кебек-хан осуществил реформу административно-политического управления страной. Вместо прежней удельной системы, при которой уделы назначались представителям только ханского рода, по реформе Кебека территория всей страны была поделена на мелкие административные податные округа — *тюмени*, *тумены* (десять тысяч), возглавляемые кочевой тюрко-монгольской знатью. В Фергане и Кашгарии вместо термина *тюмень* употреблялось монгольское *орчин* (окрестности).

Кебек-хан ввел в обращение серебряную монету по образцу тех, которые чеканились в Золотой Орде и в Персии, в государстве Хулагуидов. Это редкий пример — одна и та же монетная система господствует в Восточной Европе, Персии и Средней Азии. Впоследствии первые государственные монеты Чагатайского государства, введенные Кебек-ханом, назывались *кебеки*.

Таким образом, во время царствования Кебек-хана был сделан заметный шаг в сторону централизации и подчинения традициям мусульманской культуры и государственности.

После Кебека короткое время правили два других сына Дувы — Ильчигидай и Дурра-Тимур, а затем в Чагатайском государстве на престол вступил их брат Тармаширин.

Тармаширин продолжил политику своих предшественников. Он порвал с кочевыми обычаями и окончательно переселился в культурные области Мавераннахра. Став ханом, Тармаширин принял ислам, а заодно мусульманское имя Ала ад-Дин (Слава Веры) и сделал ислам официальной религией Чагатайского государства.

Принятие Тармаширином ислама содействовало оживлению торговых сношений Мавераннахра с другими мусульманскими областями, но этот же факт усилил отчуждение между Мавераннахром и восточными областями чагатайских владений.

Тармаширин совершил поход в Хорасан (северо-восточные области Ирана) и Индию, но во внутреннем управлении он оставался для большинства своих подданных нарушителем монгольского обычного права (*ясака*). Недовольные политикой хана, Чингизиды и эмиры подняли восстание против него, и он был убит около 1334 года.

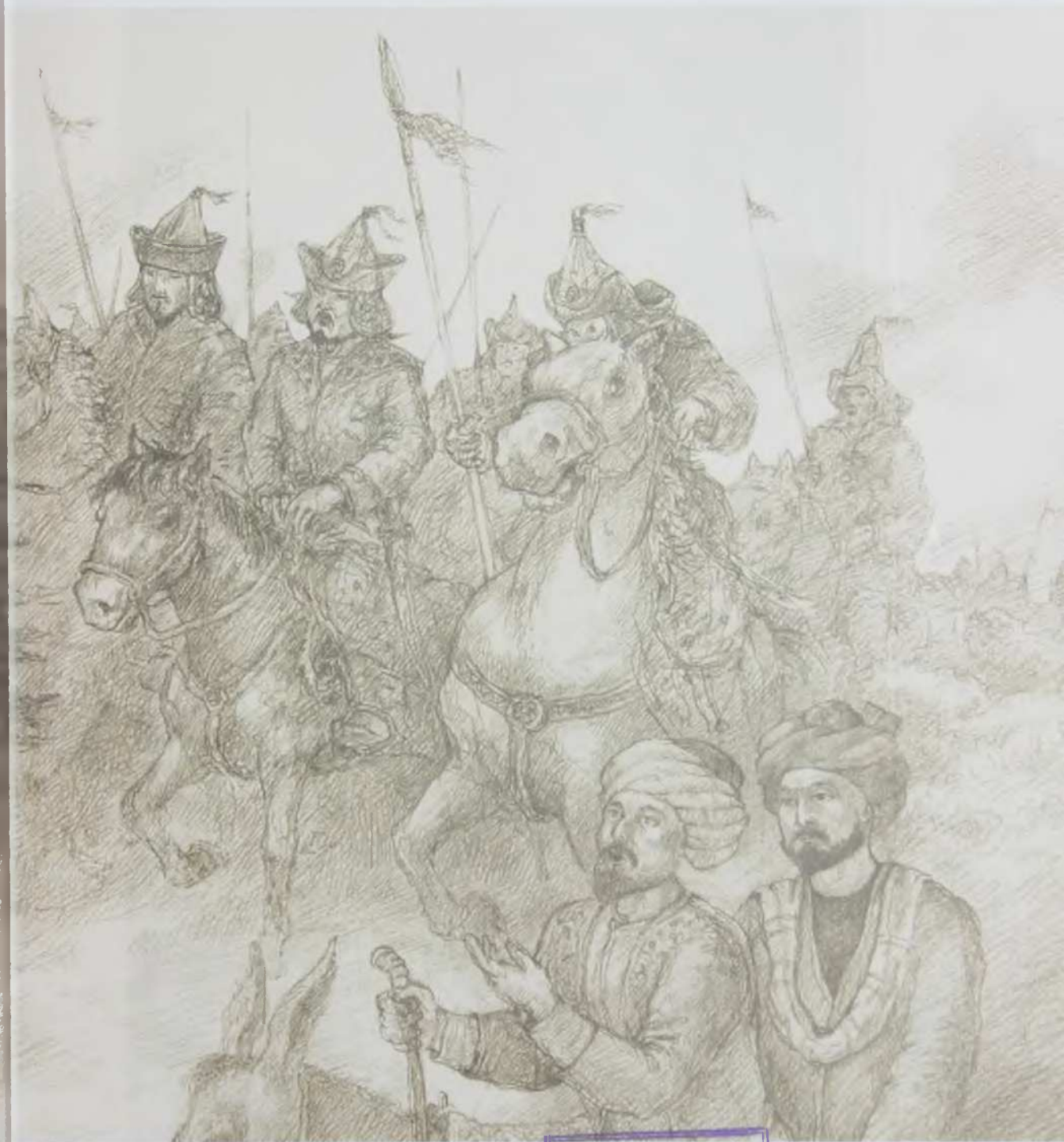
После низложения Тармаширина местопребывание хана вновь было перенесено на восток, на берег Или, и ислам как господствующая в государстве религия утратил свое значение.

В годы правления (около 1336—1338) хана Джанкши Семиречье стало местом активной миссионерской деятельности.









— 551471 —

С.Торайғыров  
атындағы ПМУ-дің  
академик С.Бейсембаев  
атындағы ғылыми





Казан-хан выступил войной против тюркских эмиров, но она не принесла победы, в 777 году хиджры он пал в битве.



Неподалеку от Алмалыка католические миссионеры построили прекрасную церковь и, получив возможность «проповедовать невозбранно и открыто», многих окрестили. Имеются сведения, что даже семилетний сын хана с согласия своего отца-язычника, принял крещение и имя Иоанн. Однако в 1338 году, по сообщению католических миссионеров, в стране вспыхнул мятеж, Джанкши-хан был низложен и убит.

Согласно мусульманским источникам, убийцей Джанкши-хана был его брат Йисун-Тимур, который по наущению своей матери (видимо, матери у них были разные) зарубил хана саблей, когда тот спал. Угрызения совести вскоре лишили рассудка Йисун-Тимура, ставшего ханом, и он жестоко отомстил своей матери за то, что она надоумила его поднять бунт против Джанкши-хана и совершить братоубийство.

В 1339 году Йисун-Тимур-хан был низложен потомком Угедея Али-султаном, мусульманином; его сменил Мухаммад-хан, потомок Чагатая; ему наследовал Чагатаид Казан, сын Ясавура.

Казан, подобно Кебеку и Тармаширину, переселился в Мавераннахр, в долину Кашкадарьи, и в нарушение «Ясы» построил для себя недалеко от Карши дворец, ставший ему военной опорой и охранявший его от набегов предводителей кочевых племен. Казан-хан был крайне жестоким государем, что вызвало бунт части тюркских эмиров. Хан выступил на них войной. Но она не принесла Казан-хану победы, и в 747 году хиджры /1346—1347 он пал в битве. Победу одержала тюркская военная аристократия его государства.

Казан был последним полновластным правителем Чагатайского ханства. После его гибели Чагатайская держава распалась на два отдельных государства — западное и восточное.





ПЕРВЫЕ  
ВЕРХОВНЫЕ  
ЭМИРЫ  
МАВЕРАННАХРА

Стоит отметить здесь, что в описываемое время предводителей родов и племен персидские источники называют *эмирами*, как называло их оседлое ираноязычное население Средней Азии. Тюркские кочевники вместо этого обозначения употребляли тюркский термин *бек* (князь) или монгольский — *нойон*. Словом, *эмир*, *бек* и *нойон* — это равнозначные термины и служили для обозначения военно-кочевой знати.

Политическое устройство в распавшихся частях Чагатайской державы пошло по-разному. В восточных областях бывшего Чагатайского государства — в Семиречье и Восточном Туркестане — эмиры не стали узурпировать верховную власть, а решили возвести на престол своего хана — Чингизида. Эмир Пуладчи (Булатджи) из племени дуглат, самый могущественный из эмиров восточных областей, привез из долины реки Или шестнадцатилетнего царевича Туглук-Тимура, мнимого или действительного потомка Чагатая, и в 748 году хиджры/1347—1348 возвел его на престол в Аксу. Государство, возникшее в восточной половине Чагатайского улуса, которое возглавил при помощи эмира Пуладчи Туглук-Тимур-хан, именуется в средневековых источниках по-разному: *Улус моголов*, *Улус Джете*, *Страна Джете*, но чаще всего — *Моголистан*, *Мамлакат-и Моголистан*.

Моголистан — персидское слово и означает «Страна моголов»; оно образовано от слова *могол* (*могул*); так, без буквы *-н*, произносилось и писалось народное название монголов в Средней Азии и соседних мусульманских странах. В Моголистане же моголами называли кочевников вообще, составлявших основную военную силу страны.

Официальное название «чагатай» осталось только в Мавераннахре, в государстве Тимура, для обозначения кочевого и сохранившего кочевые традиции населения. Жители этих двух государств по причине взаимной неприязни называли друг друга разными уничижительными именами: чагатаи называли моголов разбойниками — *джете*, а моголы называли чагатаев *караунасами* — метисами. Поэтому для обозначения Моголистана в источниках порой употребляются сочетания «Страна Джете», «Улус Джете».

В западном государстве — Мавераннахре, в междуречье Амударьи и Сырдарьи, род Чагатая потерял свое господство, и фактическая власть в стране находилась в руках тюрко-монгольских эмиров, беков, которые поделили между собой области Западного Туркестана. В их числе источники называют эмира племени сулдуз — Баяна, эмира племени джалаир — Баязида, эмира племени барлас — Хаджжи-бека, главу ясагуров — эмира Хизра, эмира племени найман — Хамида, который был также вождем андхойцев и шубурганцев, и других.





Эмир Пуладчи из племени дуглат, самый могущественный из эмиров восточных областей Чагатайского улуса.



При этом арлаты поселились в северной части нынешнего Афганистана, джалаиры избрали местом своих кочевий долину Ангрена, а барласы — долину Кашкадарьи и так далее. Глава каждого из этих отюренных монгольских родов правил в своей области как удельный князь.

После гибели Казан-хана **первым** улусным правителем Мавераннахра из тюрко-монгольских эмиров стал эмир Казаган из каучинов. Каучинами назывались привилегированные части войска в Улусе Джучи и в Чагатайском улусе, точнее — собственная тысяча правителя, позже это слово, видимо, стало названием рода или племени. Правил Казаган с 1346/1347 по 1356 год. Не будучи Чингизидом, он не принял титул хана, а ограничился титулом эмира. Для придания законности своим действиям в 747 году хиджры/1346—1347 с одобрения эмиров Казаган возводит на престол подставного хана, через которого осуществляет правление Мавераннахром. Это был Данишменджа-оглан, по одним сведениям — потомок Чагатая, по другим — Угедея. Года через полтора-два обвиненный в том, что он «нечагатаид», Данишменджа-хан был предан смерти. Вторым подставным ханом стал Байан-Кули-хан, потомок Чагатая. Источники называют его очень умным, справедливым и «несущим с собой счастье царевичем». Но и его ожидала страшная судьба.

Вообще ханы Мавераннахра, в отличие от ханов Восточного Туркестана, всегда оставались только подставными лицами, лишеными всякой фактической власти.

Эмир Казаган был истинным воином: много сражался, проявляя беспредельную личную отвагу, часто одерживал победы, но терпел и поражения, один глаз у него был выбит стрелой в стычке с Газан-султаном в окрестностях Герата в 1346 году. Эмир Казаган сохранял верность кочевой жизни: зимовал на берегах Амударьи в местечке Сали-сарай, выше Термеза, судя по всему, там был дворец, а летом он переходил в горную местность около города Мунка. Земель оседлого населения он не трогал, старался не допускать насилия над горожанами и селянами. Его правление, говорится в источниках, способствовало благоденствию и кочевого, и оседлого населения страны. В 1358 году по наущению противников Казаган был убит на охоте своим зятем.

После гибели Казагана власть в Мавераннахре перешла к его сыну Абдулле (Абдаллаху), который еще при жизни отца долгое время жил в Самарканде. Став верховным эмиром, он утвердил на ханский престол Байан-Кули, поступив так же, как это делал его отец эмир Казаган. Но в том же году Байан-Кули-хан был обвинен в любовной связи с одной из жен эмира Абдуллы и казнен; а по версии, приводимой Йезди в «Зафар-наме», причиной этого убийства была страсть самого Абдуллы к жене подставного хана. Тело Баян-Кули-хана было перевезено из Са-





Абдулла —  
верховный эмир  
Мавераннахр.

марканда в Бухару и похоронено рядом с могилой шейха Сейф ад-Дина Бухарзи. Эта гробница и мавзолей, возведенные в 1358 году над могилой Баян-Кули-хана, по мнению специалистов, представляют собой шедевр искусства и архитектуры того времени.

Источники отмечают, что эмир Абдулла правил хорошо, но своим желанием перейти к оседлому образу жизни — постоянно жить в Самарканде — он вызвал недовольство кочевой части населения и был низложен эмирами главных племен Мавераннахра меньше чем через год после начала правления. Преследуемый отрядами эмира племен сулдуз и барлас Баяна и Хаджжи, Абдулла бежал в Андараб (около Мерва), где и нашел свой насильственный конец.

В стране наступила смутная пора, в течение короткого времени у власти побывало несколько верховных эмиров, но они не смогли установить должного порядка в стране.

Воспользовавшись анархией, в 1360—1361 годах хан моголов Туглук-Тимур дважды с войском вторгся в Мавераннахр. Тогда же **впервые** возник на политической арене молодой Тимур.





ТИМУР  
В СРЕДНЕВЕКОВЫХ  
СОЧИНЕНИЯХ



Тимур правил с 1370 по 1405 год. За тридцать пять лет правления была образована громадная империя, интерес к ней породил обширную историческую литературу, отчасти ее появлению способствовали и сам Тимур, и Тимуриды.

Тимура в последние годы его правления повсюду сопровождали *дабиран-и хасс* — личные секретари и *фазилян-и аср* — образованные люди из числа тюркских, а также персидских ученых. Одни из них вели дневник походов Тимура, другие описывали отдельные его подвиги, а третьи составляли летопись его царствования. Многие хроники, в которых описывались в стихах и прозе войны и подвиги Тимура, до нас не дошли; об их существовании мы знаем по сохранившимся заглавиям и цитациям их в других сочинениях. Из ряда дневников, содержащих описание отдельных походов, до нас дошел только один — «Дневник похода Тимура в Индию» Гийас ад-Дина Али. Персидский текст дневника издан Л. А. Зиминым под редакцией В. В. Бартольда в 1915 году и переведен на русский язык профессором А. А. Семеновым в 1958 году.

Существуют два сочинения, представляющие собой официальные, санкционированные хроники, освещающие жизнь и деятельность Тимура: первое — «*Зафар-наме*» Низам ад-Дина Шами — написано в 1404 году, еще при жизни Тимура; второе — известное сочинение Шараф ад-Дина Али Йезди под тем же названием — написано в 1425 году.

Вообще-то первый опыт составления такой полной официальной летописи относится к концу XIV века. Однако попытка оказалась неудачной. Труд не удовлетворил Тимура и был им отвергнут.

После этого неудачного опыта в 804 году хиджры /1401—1402 Тимур поручил составить полное описание истории своего правления Низам ад-Дину Шами. Низам ад-Дин происходил из Шама, предместья города Тебриза в Иране, откуда он и получил свою *нисбу* (имя, или прозвание по месту рождения) — *Шами*. Низам ад-Дин Шами жил в Багдаде и присоединился к Тимуру только в 1393 году при взятии этого города.

Шами приступил к работе не позднее августа 1402 года, уже располагая одной полной версией истории Тимура, не удовлетворившей самого завоевателя, а также рядом дневников отдельных походов и описаний предшествующих войн. Весной 1404 года Шами завершил свое сочинение и преподнес Тимуру, когда тот возвращался из Ирана в Самарканд. Государь одобрил труд и назвал его «*Зафар-наме*» — «*Книга побед*».

Этот труд написан на персидском языке и является важнейшим источником, освещающим время правления Тимура. Текст сочинения Шами был издан *F. Tauer*'ом в 1934 году. Полного русского перевода «*Зафар-наме*» Шами пока не существует.









Произведение Шами, выполненное с учетом требований самого основателя династии и лично им одобренное, положило начало описанию официальной истории Тимура, в последующие годы это описание имело несколько продолжений и версий.

Самое широкое распространение получила третья версия. Она была написана через двадцать лет после смерти династа по инициативе и при непосредственном участии его внука Ибрахим-султана, правившего в Фарсе в 1415—1436 годах.

Ибрахим-султан с помощью секретарей подобрал все написанные ранее материалы по истории Тимура, а также записи разного рода писцов и секретарей. Тщательно отобранный и приведенный в систему материал был передан Шарафу ад-Дину Али, уроженцу города Йезди (Иран), придворному ученому и литератору Тимуридов, считавшемуся современниками одним из лучших стилистов эпохи. Он должен был подвергнуть собранный материал окончательной обработке и, украсив прозу «арабским красноречием и персидским изяществом», составить цельную книгу.

Подчиняясь «высокому повелению», Шараф ад-Дин Али Йезди составил историю. В предисловии это сочинение названо «*Фатх-наме-и Сахиб-кирани*», но более известно оно как «*Зафар-наме*» Йезди.

Это сочинение в окончательной редакции представляет собой наиболее полное описание официальной истории Тимура. Оно написано на персидском языке, издавалось несколько раз. Полного перевода сочинения на русский язык не существует.

Официальными источниками не исчерпываются материалы о Тимуре. О его жизни много написано у Муин ад-Дина Натанзи, Хафиз-и Абри, Абд ар-Раззака Самарканди, Мирхонда и других историков XV века, писавших свои сочинения при дворе Тимуридов.

Тимур — первый улусный правитель Мавераннахра из числа тюрко-монгольских беков, установивший в стране династию нечингизидов. Как уже упоминалось, он появляется на исторической арене неожиданно, вдруг, в возрасте двадцати пяти лет, когда на Мавераннахр двинулся с войском Туглук-Тимур, хан восточной части бывшего Чагатайского государства. О том, чем занимался Тимур до 1360 года, в самих тимуридских источниках — официальных и прочих — ничего определенного не говорится. Только сообщается, что события, относящиеся к молодым годам Тимура, не были внесены в исторические хроники **по желанию** самого Тимура, «так как они показались бы невероятными читателям».

Источниками для ранней биографии Тимура служат письменные памятники, созданные в среде, не связанной с его двором, и потому свободные от «пожеланий» Тимура. Это прежде всего большого объема труд



по истории Тимура, составленный на арабском языке Ибн Арабшахом. Его полное имя — Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад. Но он более известен под именем Ибн Арабшах. Видимо, это имя — тахаллус (литературный псевдоним). По происхождению он араб, родился в Дамаске в 791 году хиджры/1388, двенадцатилетним мальчиком был взят в Дамаске в плен Тимуром и увезен в Самарканд. В Мавераннахре он прожил долгие годы, получил образование, выучил персидский и монгольский языки и на рубеже 20—30-х годов XV века через Хорезм, Дешт-и Кипчак, Крым и Турцию вернулся на родину; впоследствии перебрался в Египет и умер в Каире в 1450 году. Ибн Арабшах написал несколько произведений, самое известное из них «*Аджайб ал-макдур фи навайб (или фи ахбар) ал-Тимур*» («Чудеса предопределения в судьбе (в событиях жизни) Тимура») написано в 1436—1437 годах. Это сочинение несколько раз издавалось, имеется его английский перевод, выполненный в 1936 году.

Ибн Арабшах по отношению к Тимурю настроен крайне враждебно, называет его тираном, жестоким завоевателем, извергом, бездушным разрушителем, но не отказывает ему ни в уме, ни в образованности, ни в организаторском, дипломатическом и военном таланте.

Другой источник ранней биографии Тимура — это дневник Рюи Гонсалеса де Клавихо, посла испанского короля Генриха III ко двору Тимура. Испанцы объездили всю западную территорию государства Тимура, провели значительную часть 1404 года в Самарканде, участвовали во многих мероприятиях в столице. Клавихо, тонкий и умный наблюдатель, виделся и говорил с самим Тимуром, а также с другими людьми, все увиденное и услышанное беспристрастно зафиксировал в своих путевых заметках. Первый русский перевод этого своеобразного и важного памятника был издан параллельно с текстом оригинала И. И. Срезневским еще в 1881 году. Новый перевод «Дневника путешествия» Клавихо, осуществленный И. С. Мироковой, вышел из печати в 1990 году в Москве в издательстве «Наука», подготовленный главной редакцией восточной литературы.

Согласно рассказам Клавихо и Ибн Арабшаха, в годы юности и ранней молодости Тимур был атаманом шайки разбойников, события этих лет могли компрометировать его. По мнению В. В. Бартольда (1869—1930), основателя русского научного туркестановедения, молчание официальных хроник — «*Зафар-наме*» Шами и «*Зафар-наме*» Йезди — о молодых годах Тимура объясняется именно этой причиной.





ОТРОЧЕСТВО  
И ЮНОСТЬ ТИМУРА

Тимур происходил из отюреченного монгольского племени **барлас**, часть которого, как полагают некоторые ученые, переселилась из Семиречья в Мавераннахр еще во второй половине XIII века вместе с ханом Мубарекшахом, Чагатаидом, и избрала местом своих кочевий долину Кашкадарьи с главным городом Шахрисябзом (Кеш).

О дате рождения Тимура в источниках существуют противоречивые сведения. Одни мусульманские авторы относят его рождение к 728 году хиджры /1327—1328, другие — к 736 /1335—1336. Только в окончательной редакции официальной истории Тимура — «Зафар-наме» Йезди — сообщается точная дата рождения: вторник 25 шабана 736 года хиджры / 9 апреля 1336 год — год Мыши. Йезди называет имя его отца — ноён Тарагай и матери — Текина-хатун, но умалчивает о событиях жизни Тимура до 1360 года.

Ибн Арабшах называет местом рождения Тимура селение Ходжа-Ильгар. Это селение на юго-западе от Шахрисябза существует и в наши дни в тринадцати километрах от города. Его жители хранят предание о рождении здесь Тимура.

Тарагай не был ни владельцем Кеша, ни главой племени барлас. В источниках сообщается, что он жил в сельской местности, был благочестивым мусульманином, другом ученых и дервишей, а также поддерживал дружеские отношения с рядом вельмож как западной, так и восточной частей Чагатайского улуса. Тарагай умер в 1360 году и был похоронен в Кеше (Шахрисябзе), в семейном мавзолее.

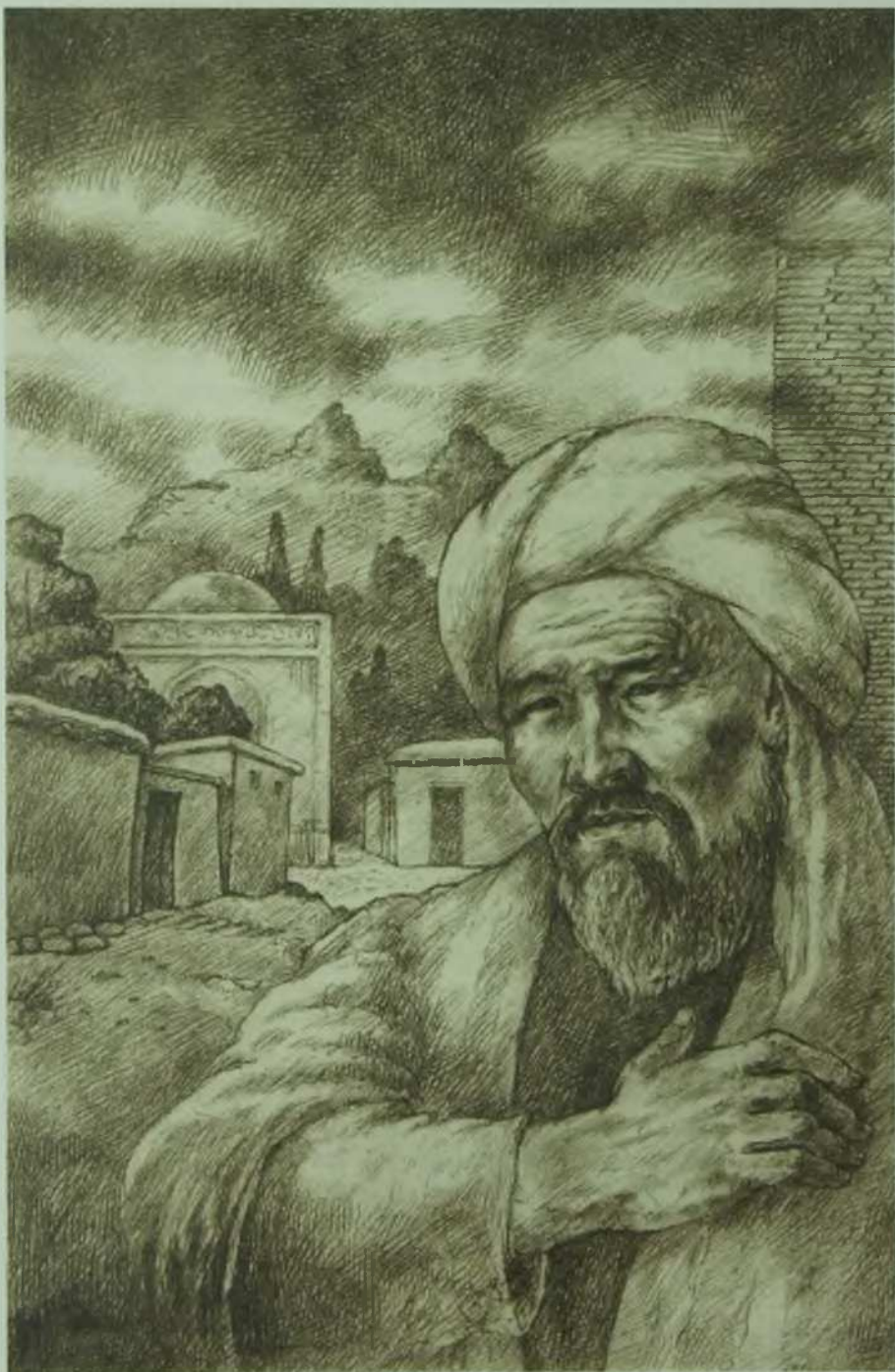
Жизнь — это не только форма физиологического существования, но и взаимоотношение с историческим Временем, отпущенным каждому природой. Из сотен и тысяч лет, в которых человек мог бы родиться, он рождается и живет именно в данное историческое время. У людей отношения со своим временем складываются по-разному. У одних — полная несовместимость, конфликт с ним. Как правило, судьба таких людей трагична. У других, напротив, — красивое сочетание, удивительная гармония со Временем.

Тимур принадлежал ко второй из названных групп. У него было поразительно адекватное восприятие своего времени, полное понимание каждой отдельной ситуации, природное чутье ловить миг удачи, умение побеждать и с толком пользоваться результатами победы.

Судите сами. Время, в которое Тимуру выпало родиться и жить, — это время войн. Войны являлись суровой практикой будней, всякий конфликт с внешним миром устранился не переговорами, а на поле брани. В этой связи достаточно привести сентенцию автора рубежа XIV—XV веков Гийас ад-Дина Али, которая довольно ярко представляет суть той эпохи: «У кого меч в ножнах — у того нет порядка в делах. У кого нет







Отец Тимура  
— нойон Тарагай  
из племени барлас,  
монголов, которые  
пришли в  
Мавераннахр с  
Чагатаидами. Тарагай  
был тесно связан  
со знатью как  
Мавераннахра,  
так и Моголистана.

пьющего кровь кинжала — тот не может долго удерживать высокое положение».

Из-за постоянных стычек, набегов, походов и быт приобретал военнизированную окраску. Военное искусство, а также личная отвага и умение пользоваться оружием ценились более всего. Здесь уместно будет напомнить, что войско состояло тогда преимущественно из конницы. И источники сообщают, что Тимур с малых лет самозабвенно любил лошадей, был хорошим наездником, вдохновенно и помногу занимался военными тренировками, облавной охотой, прекрасно стрелял из лука и как никто другой из своих сверстников владел саблей — самым почитаемым тогда оружием воина.

Тимур рано проявил качества вожака, предводителя. По словам Ибн Арабшаха, Тимур рос отроком настойчивым, отчаянным, решительным и хитрым, водил дружбу с детьми везирей и проводил время с сыновьями эмиров. Среди сверстников он всегда пользовался авторитетом и даже любовью. Молодые барласы и рискованные парни из соседних родов и племен тянулись к Тимуру, группировались вокруг него.

Сначала у него было не более четырех-пяти нукеров — вооруженных конных дружинников. «Говорят, — продолжает Клавихо, — что с помощью этих четырех или пяти человек он начал забирать силой у своих соплеменников в один день барана, в другой день — корову и, когда это удавалось, пировал со своими сообщниками. Возможно, поэтому или потому, что он был человеком храбрым, доброго сердца и щедро делился всем, что имел, присоединялись к нему и другие люди, так что вскоре у него стало триста всадников. Когда их набралось столько, он начал совершать набеги на другие земли, грабя и воруя все что можно для себя и своих людей; также выходил на дорогу и грабил проходящих купцов».

Удачливый, храбрый и щедрый, молодой Тимур с ярко выраженными качествами вожака, атамана стал скоро пользоваться авторитетом в долине Кашкадарьи среди барласов и, видимо, среди других родов и племен чагатаев Мавераннахра. Да и не диво. К 1360 году Тимур превратился из угловатого подростка — любителя лошадей и облавной охоты — в знатока войны, могучего витязя.

По словам лично знавшего его Ибн Арабшаха, а эти сведения подтвердил и профессор М. М. Герасимов, который в 1941 году обследовал скелет Тимура, он обладал атлетическим телосложением: был высокого роста и величественной стати, «как будто бы он принадлежал к потомкам Амеликитов (древних гигантов)». Широкоплечий, широкогрудый, очень мускулистый, с широким лбом и большой гордо посаженной головой, яркий румянец оживлял белизну его уплощенного лица; он имел







Тимур обладал  
громким голосом,  
отличался физической  
силой и отчаянной  
смелостью.

длинные и сильные ноги, длинные и сильные руки с толстыми пальцами, глаза его были подобны горящим свечам; он обладал громким голосом, отличался мощной физической силой и отчаянной смелостью, смерти не боялся и шел в бой напролом.

Именно таким — атлетически сложенным, обаятельным, широко популярным в среде военной кочевой молодежи — и предстал Тимур перед Туглук-Тимур-ханом, когда тот в 1361 году во второй раз подчинил себе Мавераннахр.

А все это начиналось так.





ТУГЛУК-ТИМУР-ХАН  
И ТИМУР:  
ВХОЖДЕНИЕ  
ВО ВЛАСТЬ

Данные источников о родословной Туглук-Тимура, первого хана восточной половины Чагатайского улуса, противоречивы: по одним сведениям («Муизз ал-ансаб», «Зафар-наме» Йезди, «Шаджарат ал-атрак»), он был сыном Эмил-Ходжи, сына Дува (Тува)-хана, потомка Чагатая, второго сына Чингиз-хана; по другим сведениям («Бабур-наме», «Тарих-и Рашиди»), Туглук-Тимур был сыном Есен-Буги, другого сына Дувы. Последнее является анахронизмом, так как сын Дувы по имени Есен-Буга умер в 1318 году, а Туглук-Тимур, как утверждается, родился в 730 году хиджры/1329—1330. Чтобы примирить разногласие ранних источников, историки XVII века Мухмуд ибн Вали и Абу-л-Гази предположили, что Эмил-Ходжа, или, как они пишут, Иль-Ходжа, носил также прозвание Есен-Буга.

По преданию, изложенному в «Муизз ал-ансаб», мать Туглук-Тимура после смерти своего мужа, царевича Эмил-Ходжи, вышла замуж за другого человека (в источнике его имя записано без диакритических знаков). По сведениям источника, Туглук-Тимур родился в доме этого человека и считался его сыном.

Согласно преданию, которое приводят Мирза Хайдар Дуглат и Абу-л-Гази, у Есен-Буга-хана, сына Дувы (Тувы), была любимая жена по имени Сатылмыш-хатун, но от нее не было у него детей. Поэтому он обратил взор на красивую служанку по имени Менгли и держал ее при своем дворе. Со временем Менгли забеременела от хана. Но когда Есен-Буга отправился в поход, Сатылмыш-хатун выдала Менгли замуж за эмира по имени Широгул из племени дохтуй и переселила их в один из дальних районов страны.

Однако все знали, что Менгли была беременна от хана. В доме эмира Широгула она родила мальчика, которого нарекли Туглук-Тимуром. По прошествии некоторого времени Есен-Буга-хан умер, и в государстве начались беспорядки. Пуладчи, эмир племени дуглат, в 746 году хиджры/1345—1346 привез из Кульджинского края в город Аксу шестнадцатилетнего Туглук-Тимура, а в 748 году хиджры/1347—1348 возвел его на престол.

О первых годах правления Туглук-Тимур-хана в источниках мало сведений. Утверждается только, что в течение непродолжительного времени он подчинил себе Кашгар, Яркенд, Ала-Таг и Уйгурстан и что власть его распространялась на «весь Моголистан». Ставка Туглук-Тимур-хана находилась в городе Алмалыке.

Согласно Мирзе Хайдару Дуглату и Абу-л-Гази, Туглук-Тимур в возрасте двадцати четырех лет, то есть в 754 году хиджры/1353, принял мусульманство, а вместе с ним эту веру приняли сто шестьдесят тысяч человек. С этого времени в Улусе Чагатая ислам стал господствующей верой.





Тугдук-Тимур,  
владевший  
Семиречьем и  
Восточным  
Туркестаном, решил  
распространить  
свою власть и на  
западные области  
Улуса Чагатая.

Туглук-Тимур, владевший Семиречьем и Восточным Туркестаном, решил распространить свою власть и на западные области Улуса Чагатая. С этой целью в месяце раби-И 761 года хиджры/февраль—март 1360, соответствующего году Мыши, он выступил в поход на Мавераннахр. Остановившись с войском неподалеку от Ташкента, Туглук-Тимур-хан выслал вперед отряд под командованием трех своих военачальников: Улуг-Туг-Тимура, Хаджжи-бека и Бекчика. Переправившись через Сырдарью, отряд двинулся по направлению к Кешу (со второй половины XIV века город называется Шахрисябз — Зеленый город).

Владетель Кеша эмир барласов Хаджжи-бек собрал войско Кеша, Карши и его окрестностей и «оседлал коня с намерением обороняться и сопротивляться». Но другие чагатайские эмиры не поддержали его, и Хаджжи-бек барлас вынужден был бежать в сторону Хорасана (северо-восточные области Ирана).

Молодой Тимур, племянник Хаджжи-бека, решил остаться в родном иурте и, прощаясь с эмиром, обратился к нему с такими словами:

«Правильным кажется то, что поскольку Вы едете в Хорасан, я вернусь в Кеш и, успокоив улус, поеду оттуда к хану, повидаяюсь с эмирами и государственными сановниками, чтобы владение не разрушилось, а подданные, которые отданы нам Господом и кого мы должны хранить, не испытали бы трудностей и волнений».

Эмир принял его решение и направился в Хорасан. В то время часть чагатайских эмиров добровольно подчинилась могольским военачальникам, и когда Тимур прибыл в Кеш, эмиры джете уже находились там. Они одобрили его желание изъявить покорность Туглук-Тимур-хану. Племя барлас и область Кеш с подвластными и принадлежащими ей районами утвердились за Тимуром.

Но вскоре Туглук-Тимур-хан был вынужден покинуть Мавераннахр.

В марте 1361 года, соответствующего году Быка, Туглук-Тимур-хан во второй раз с войском вступил в пределы Мавераннахра. Чагатайские эмиры Баян сулдуз и Баязид джалаир были схвачены и казнены могольским ханом. А Хаджжи-бек барлас, «испугавшись и ужаснувшись этого», поднял часть людей своего улуса и, оставив свой древний иурт на произвол судьбы, опять спешно бежал в Хорасан, где был убит местными жителями в Хараше, в селении вилайета Сабзевар.

В создавшейся обстановке Тимур нашел целесообразным поступить на службу к могольскому хану. Личную встречу сына Тарагая с Туглук-Тимур-ханом организовал влиятельный могольский эмир Хамид, у отца которого с отцом Тимура, по словам Иезди, «прежде была крепкая дружба и привязанность». Именно он, Хамид-бек, «кое-что рассказал хану о безграничном мужестве» Тимура и попросил пощадить область, которая по праву наследования принадлежит теперь Тимурю.







Туглук-Тимур-хан  
отнесся к Тимуру с  
«большой  
благосклонностью  
и милостью».

Хан согласился с ним и через посла потребовал к себе Тимура. Встретились. Статный, величавый, излучающий энергию молодой Тимур очень понравился Туглук-Тимур-хану. Была одержана победа или, по меньшей мере, был сделан первый необходимый шаг к победе.

Словом, хан отнесся к Тимуру «с большой благосклонностью и милостью» и пожаловал ему в управление Кашкадарьинский вилайет, где некогда жили чагатайские ханы Кебек, Тармаширин и Казан. Так в свои двадцать пять лет Тимур стал фактическим владельцем престижного вилайета с центром в Кеше и предводителем — эмиром — мавераннахрских барласов вместо погибшего Хаджжи-бека.





ЭМИР ХУСЕЙН  
И ТИМУР:  
ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

Когда в 1361 году Туглук-Тимур-хан во второй раз вторгся в Мавераннахр, внук первого улусного эмира Мавераннахра Казагана эмир Хусейн решил выступить против моголов и собрал войско. К нему примкнул владетель Хутталана эмир Кейхусрау. Однако, когда войска обеих сторон выстроились друг против друга, эмир Кейхусрау со своими людьми покинул Хусейна и примкнул к войску могольского хана. Эмиру Хусейну оставалось только бежать, но Туглук-Тимур-хан стал преследовать его и, переправившись через Амударью, дошел до Кундуза. Его воины грабили жителей на всем своем пути вплоть до горного перевала Гиндукуш. Весну и лето моголы провели в тех краях.

Когда наступила осень, Туглук-Тимур-хан отправился в Самарканд, «все владения Мавераннахра уже находились под его властью, и все эмиры и ноионы волей-неволей подчинились ему».

Возвращаясь в Моголистан, Туглук-Тимур-хан назначил своим наместником в Мавераннахре сына Ильяс-Ходжу и оставил при нем большое количество воинов и эмиров джете во главе с Бекчиком, Тимура он также оставил подле сына.

Однако могольские военачальники и эмир Бекчик подняли вскоре мятеж против Ильяс-Ходжи и его соправителя эмира Тимура. Когда Тимур «воочию увидел, что установления хана не выполняются и дела государства закончатся расстройством, то счел нужным покинуть тот край и отправиться на поиски эмира Хусейна». По Шами, Тимур долго искал Хусейна по степям и пустыням и нашел наконец рядом с Живой, у колдца Сагадж.

При таких обстоятельствах в 1361 году произошло сближение Тимура с эмиром Хусейном. В 1363—1365 годах отношения между двумя влиятельными эмирами Мавераннахра стали очень близкими. Союз между ними с самого начала был скреплен установлением родственных отношений: сестра Хусейна Улджай Теркен-ага стала любимой женой Тимура.

Пользуясь раздорами среди самих моголов, эмир Хусейн и Тимур решили сбросить власть Моголистана и отправились в Кундуз. Собрав там немногим более шести тысяч человек, направили поводья своих коней в сторону Бадахшана. Узнав об этом, Ильяс-Ходжа отрядил против чагатаев двадцатитысячное войско. Близ Пул-и сангин (Каменный мост — на территории современного Таджикистана) произошло сражение, в котором, однако, ни одна из противоборствующих сторон не получила перевеса.

Тогда Тимур, по словам официального историографа Шами, решил применить военную хитрость. С небольшим отрядом темной ночью он проник в тыл врага и велел зажечь на холмах многочисленные костры.











Посчитав себя окруженными, моголы обратились в бегство. Тем временем Тимур с отрядом в несколько сотен всадников устремился в Кеш. И еще одна хитрость помогла Тимуру — он велел укрепить по бокам лошадей большие ветки с листьями. Пыль, которую они подняли, была так густа, что находившиеся в Кеше моголы приняли всадников за большое войско и в панике бежали. Город без боя был занят Тимуром.

Встретившись, эмир Хусейн и Тимур отправились в Хисар. Там, у гробницы известного шейха, оба эмира дали друг другу клятву в вечной дружбе и верности, говорит Шами в «Зафар-наме».

Именно в эти дни 764 года хиджры/1362—1363 Ильяс-Ходжа получил из Алмалыка роковое известие о кончине отца. Он решил срочно выступить из Мавераннахра в Семиречье, чтобы заняться делами престолонаследия. Но как раз в этот момент подоспело объединенное войско эмира Хусейна и Тимура, Ильяс-Ходжа вынужден был принять бой в местности Каба-Матин. Несмотря на перевес сил, многие могольские военачальники были перебиты, а воины Тимура даже сумели взять в плен царевича Ильяс-Ходжу и нескольких беков. Но Тимур, по словам Йезди, «в силу великодушия, являющегося врожденным качеством всех тюрков», посадил царевича Ильяс-Ходжу и эмира Бекчика на коней и отпустил, но, как полагают некоторые исследователи, «за большой откуп».

Так внуку Казагана эмиру Хусейну и Тимуру удалось объединенными силами победить своих внешних и внутренних врагов и захватить власть в Мавераннахре. Внук Казагана стал главным эмиром страны, Тимур — его первым помощником и правой рукой.

Следуя традиции, Хусейн, верховный эмир страны, и Тимур сочли целесообразным посадить на ханство одного из потомков Чингиз-хана. «Для подписания такого договора», по словам Йезди, они в том же 765 году хиджры/1363—1364 созвали курултай и «повели речь об интересах царства и важных делах государства», а заодно утвердили на ханский престол Кабулшах-оглана, потомка Чагатая.

Именно события 60-х годов XIV века положили начало будущему могуществу Тимура. Зато именно в этом десятилетии Тимур испытал горечь военного поражения, плен и получил тяжелые физические увечья, сделавшие его калекой.

В 1362 году эмир Хусейн и Тимур потерпели поражение от Тукеля, правителя Хивы. Бедственное положение загнало их, одних, без войска, на юг Туркмении.

Когда об этом стало известно Али-беку туркмену, он отрядил шестьдесят вооруженных людей, которые напали на Хусейна и Тимура, связали их и доставили в Махан, что неподалеку от города Мерва. Там

пленников заключили, по словам Шами, «в темное помещение, к числу ужасов которого принадлежало изобилие блох». В Махане они провели шестьдесят два дня в заключении. В конце концов местный правитель села Али-бек по настоянию своего старшего брата отпустил их и «дал им тощую лошадь и худого верблюда». В этой беде эмирам пришел на помощь Мубарекшах, старшина — кетхуда — туркменского племени санджари, старый друг Тимура, который привел в дар прекрасных лошадей и оказал достойные услуги.

За эти услуги Мубарекшах и его семья пользовались особым уважением и большими милостями и со стороны Тимура в годы его могущества, и со стороны его благодарных потомков.

Летом 1363 года Тимур и эмир Хусейн возглавили отряд в тысячу человек и отправились в Сеистан (область на востоке Ирана). Туда их призвал за определенную плату местный владетель — ему требовалась помощь, чтобы дать достойный отпор врагу. Тимур и Хусейн за несколько дней обезвредили врага. Но в те же дни там, в Сеистане, как рассказывали Клавихо его информаторы, произошел такой эпизод.

«Однажды ночью (Тимур) напал на стадо баранов, а в это время пришли люди Сеистана, бросились на него и его сообщников, убили многих, а его сбили с лошади и ранили в правую ногу, после чего он остался хромым, также и в правую руку, после чего он недосчитался двух маленьких пальцев; и бросили его, посчитав мертвым».

Тимур однако выжил. Его спасли местные кочевники.

Тянулись долгие месяцы ожидания выздоровления. Тимур стал роптать на судьбу. Рассказывается, что в один из жарких дней он сидел в тени, прислонившись к стене, весь погруженный в тревожные размышления.

«Так как я израсходовался зря и, несмотря на все мои способности, не достиг ни одной из своих целей, по-видимому, будет лучше перебраться для спасения скромно и нетребовательно из военной сутолоки в тихий уголок».

С такими мыслями он вдруг заметил муравья, который полз по стене. С интересом наблюдая, как тот, много раз падая на половине пути, наконец все же добрался до верха, Тимур понял, что это само Провидение демонстрирует ему, чего требует жизнь, как ему следует поступать.

Это случайное наблюдение потрясло и одновременно воодушевило Тимура. Он понял, что, вопреки всем неудачам и невезению, он не имеет права отказываться от надежды на власть и господство, а должен исполнить во чтобы то ни стало свое высокое земное предназначение — быть повелителем Вселенной.





«...Люди Сеистана  
бросились на него  
и его сообщников,  
убили многих, а его  
сбили с лошади и  
ранили в правую ногу,  
после чего он остался  
хромым, также и в  
правую руку... и  
бросили, посчитав  
мертвым».



Радость оживила лицо Тимура, а вскоре и раны пошли на поправку.

Но ранения и впрямь оказались весьма серьезными. Правая рука с изуродованными двумя пальцами утратила способность сгибаться в локте, но, к счастью, не утратила подвижности в плечевом суставе и в целом функционировала. С правой ногой все было намного серьезнее, пострадали бедро и голень — ногу нельзя было выпрямить, и она стала заметно короче левой.

Судя по отдельным известиям, содержащимся в самих тимуридских нарративных источниках, спустя даже десятилетия правая рука доставляла Тимуру иногда физические страдания. Боль в ноге он старался преодолеть. Даже в пожилом возрасте, несмотря на сильную хромоту, в походе Тимур часто брал «в руки посох и целый *фарсанг* (6—7 километров) шел пешком».

Зигзаги судьбы удивительны. Спустя двадцать лет, в 1383 году, Тимур встретил в Сеистане того самого человека, который некогда его ранил. По приказу эмира тот человек был схвачен и расстрелян из луков.

Со времени ранения Тимур получил прозвище *Тимурленг* — Тимур-Хромец («хромец» по-персидски — *ленг*, а по-тюркски — *аксак*), в европейском произношении — *Тамерлан*.

Теперь ему стал еще более необходим конь: верхом на коне он меньше ощущал свои физические недостатки, сохранял при этом величественную осанку, подчеркивая гордую посадку головы.

Вся дальнейшая жизнь Аксак-Тимура сложилась так, что большую ее часть он проводил в походах — верхом на славном иноходце. К Тимуру в полной мере можно отнести слова арабского историка ал-Джахиза, сказанные им еще в IX столетии: «...если бы ты изучил длительность жизни тюрка и сосчитал дни ее, то нашел бы, что он сидел на спине своей лошади больше, чем на поверхности земли».





ДЖАНГ-И ЛАЙ –  
«ГРЯЗЕВАЯ  
БИТВА»

Став ханом и укрепив свое положение в Моголистане, Ильяс-Ходжа предпринял новую попытку вернуть Чингизидам все бывшие чагатайские владения. Весной 1365 года с большим войском он вторгся в Мавераннахр. Эмиру Хусейну и Тимуру пришлось наспех собрать войско, и встреча с неприятелем состоялась между Чинасом и Ташкентом.

22 мая 1365 года на берегу Чирчика произошло знаменитое сражение, получившее название *Джанг-и лай* (в переводе с персидского — *Грязевая битва*).

Дело в том, что во время сражения хлынул сильный ливень, и, по выражению Йезди, «ноги боевых коней так погрузились в глину, что шерсть их живота касалась земли»; лошади скользили и падали. Бой был приостановлен. Воины Хусейна и Тимура не предприняли никаких мер для защиты от дождя, и «от обилия влаги их одежда и доспехи так отяжелели, что не было сил двигаться ни конным, ни пешим».

Лучше экипированные воины могольского хана укрылись на время ливня кошмами и сохранили сухими свою одежду и оружие. Когда ливень прекратился и войско Хусейна и Тимура опять приблизилось к моголам, «они сбросили кошмы и на отдохнувших конях, с сохраненным от дождя оружием бросились в битву».

По рассказам историографа Тимура, которые носят апологетический характер, в начале битвы Тимур атаковал своим левым флангом правое крыло могольского войска и достиг серьезного успеха. Но эмир Хусейн проявил нерешительность и отступил. Это решило исход битвы: Хусейн и Тимур проиграли сражение.

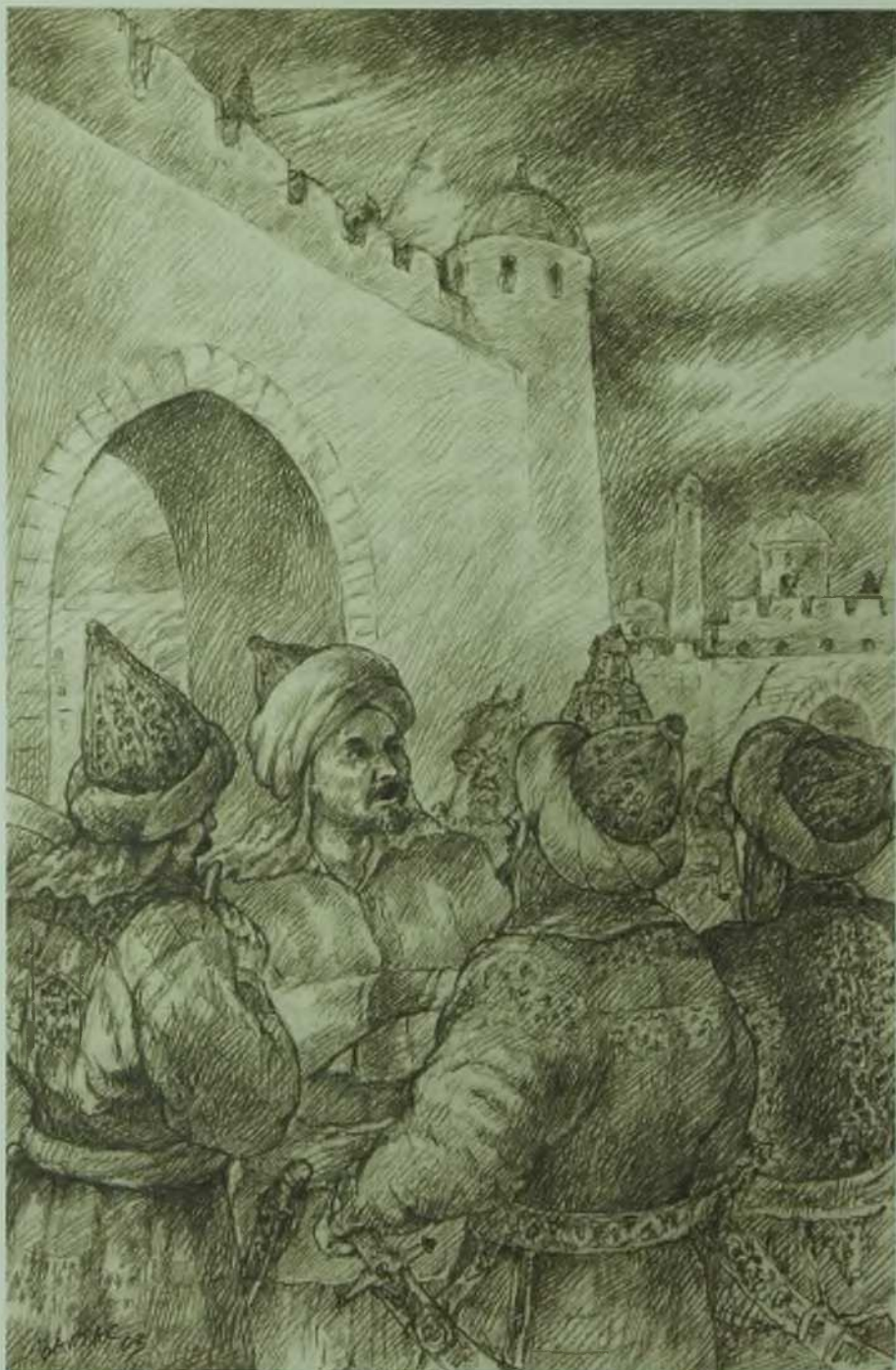
Потеряв около десяти тысяч человек, оба эмира покинули поле битвы и с остатками войска ушли сначала в сторону Самарканда, а потом за Амударью, в Балхскую область, отдав страну на разграбление моголам.

Уход Хусейна и Тимура открывал моголам дорогу на Самарканд, который со времени нашествия Чингиз-хана не имел ни укрепленных стен, ни цитадели, ни гарнизона. К счастью для Самарканда и его жителей, в городе в это время имелась значительная группа сербедаров.

Сербедарство как социальное движение возникло в первой половине XIV века в Хорасане и было направлено против монгольской власти и порядков, которые тяжелым бременем ложились на порабощенный народ. Восставшие были обречены на виселицу и называли себя *сербедарами*. «Головы для виселицы» — так толкуют это название персидские источники. Восставшие говорили, что каждому из них в тысячу раз лучше видеть свою голову (по-персидски — *сер*) на виселице (по-персидски — *даф*), чем погибнуть позорно, недостойно мужчины.







Восставшие говорили, что каждому из них в тысячу раз лучше видеть свою голову на виселице, чем погибнуть позорно, недостойно мужчины.

По словам тимуридского автора Хафиз-и Абру (умер в 1430), предводитель восстания сербедаров в Хорасане, сын местного землевладельца, Абд ар-Раззак на сходке крестьян сказал такие слова:

«Люди, ставшие властителями, творят много насилия. Если Бог всевышний дарует нам помощь, мы прекратим тиранию и устраним тиранство, а если нет, пусть наши головы будут на виселице, но терпеть насилие и притеснение мы больше не будем».

Сербедарство не обошло и Мавераннахр, особенно в городской среде оно получило широкое распространение.

Надеясь на богатую добычу именно в главном городе страны, моголы направились в Самарканд. Когда весть о приближении Ильяс-Ходжа-хана с войском дошла до его жителей, сербедары призвали народ оказать сопротивление моголам. И в соборной мечети собралось около десяти тысяч человек: знатных и простого люда. Требовалось принять твердое решение — даст город отпор врагу или без боя сдастся. Решение долго не приходило. И тогда учащийся самаркандского медресе — Мауляна-заде, опоясанный перевязью для меча, и с клинком в ножнах медленно подошел к кафедре и после обычного приветствия произнес такую речь:

«Собрание мусульман! Ныне толпа кафинов в превосходных силах пришла для разграбления жилищ мусульман; правитель, взимающий с мусульман подушную подать [по мусульманскому праву, подушная подать должна взиматься только с кафинов. — Т. С.], называя ее пошлиной и поземельной податью, и расходующий ее по своему усмотрению, при появлении врага оставил мусульман без помощи и бежал перед кафирами. Если жители этого города заплатят за себя выкуп и поднесут дары, они этим не спасутся. В день Страшного суда призовут к ответу вас, вельможи; кто примет на себя защиту дела ислама и возьмет на себя ответственность перед знатными и простыми, чтобы мы тоже склонили головы к его ногам и поступили к нему на службу?»

Все вельможи хранили молчание. Тогда Мауляна-заде продолжил:

«Так как никто не принимает ответственности, то если я возьму ее на себя, будете ли вы оказывать мне помощь и поддержку?»

На это все согласились и признали его своим предводителем. Тут же ему принесли присягу десять тысяч вооруженных молодых людей. И еще два человека нашли в себе смелость возглавить сопротивление: Мауляна Хурдек Бухари — искусный стрелок из лука и Абу Бекра Келеви — чистильщик хлопка.

Три дня и три ночи Мауляна-заде не ложился спать. Ему принесли списки всех жителей: женатых, холостых и иноземцев. Была распределена стража по городским воротам: все проходы в отдельные ули-



цы были закрыты баррикадами. Открытым для движения оставался только один проход на главной улице. От одного конца улицы до другого были построены навесы с амбразурами для стрелков. В четырех кварталах расположился в засаде отряд из тысячи пеших стрелков-лучников.

Сам Мауляна-заде с другим отрядом пехотинцев тоже из тысячи человек загородил оставленный свободным проход.

Передовые отряды моголов, уверенные в беззащитности самаркандцев, без всяких мер предосторожности вошли в город по улице, оставленной открытой, прошли мимо засады и дошли до отряда Мауляна-заде. Тут по сигналу на окруженных моголов со всех сторон посыпались камни и стрелы. Растерянные и потрясенные, они повернули коней назад. По одним сведениям, в результате этой атаки горожан было убито и ранено около тысячи моголов, по другим — около двух тысяч.

На следующий день атака моголов была возобновлена с большей осмотрительностью; были применены обычные тактические приемы кочевников — притворное бегство и неожиданное нападение, но без результата. Потерпев неудачу и отчаявшись взять город, моголы отступили и занялись грабежом его окрестностей.

Отступление было ускорено тем, пишет Йезди, что «на лошадей войска Джете напала конская чума; погибло столько коней, что из четырех всадников только у одного оставалась лошадь. По этой причине, ослабленные и растерянные, они вынуждены были вернуться назад». По его словам, только эта милость Божья спасла город, уже поставленный в затруднительное положение продолжительной осадой.

Другой официальный историограф Тимура, Шами, не упоминающий о падеже лошадей, объясняет отступление слабостью самих моголов.

А между тем главной причиной неудачи моголов при взятии Самарканда, конечно, было героическое сопротивление самих жителей города, умело организованное сербедарами.

Встретив дружный отпор самаркандцев, моголы потеряли множество воинов и лошадей и не только отступили от города, но вскоре покинули Мавераннахр.

Около года Самарканд был во власти сербедаров. Отстояв город, им удалось добиться перевеса сил, удовлетворения своих требований и даже произвести некоторое перераспределение материальных ценностей.

Верховный эмир Мавераннахра Хусейн и его первый помощник Тимур, скомпрометированные своим поспешным бегством за Амударью, не пытались воспользоваться уходом моголов для восстановления своей власти в Самарканде и заняли выжидательную позицию.

Зиму с 1365 на 1366 год эмир Хусейн провел в Сали-Сарае, на берегу Амударьи, Тимур — в Карши, где по его приказу в спешном порядке стали возводить городскую стену, к весне строительство было завершено.

Ранней весной 1366 года Хусейн и Тимур с войском подошли к Самарканду и расположились на равнине Кан-и Гиль, к северо-востоку от города. Оба эмира дали знать сербедарам, что одобряют их действия, питают к ним «полное доверие» и хотели бы с ними встретиться. Сербедары поверили «добрым» заверениям эмиров и прибыли на равнину Кан-и Гиль с подарками. Хусейн милостиво принял и отпустил их, чем, вероятно, рассеял в них последние опасения. На другой день они явились снова с еще большим количеством подарков, но на пути в лагерь были схвачены, связаны и осуждены на казнь через повешение. Только Мауляна-заде по ходатайству Тимура был помилован уже у подножия виселицы.

Таким коварным способом расправившись с сербедарами, Хусейн и Тимур вновь подчинили себе Самарканд в конце весны 1366 года.

Вскоре после умирения самаркандских сербедаров Улджай-Теркенага, любимая жена Тимура и сестра Хусейна, умерла.

Ее смерть привела к окончательному разрыву отношений между прежними друзьями — верховным эмиром Мавераннахра Хусейном и его первым помощником и правой рукой Тимуром.







ТИМУР-  
ВЕРХОВНЫЙ ЭМИР  
МАВЕРАННАХРА

Важнейшая веха в биографии Тимура — 1370 год. Уже к концу 60-х годов XIV века личностные качества Тимура настолько укрепили его авторитет среди различных слоев населения страны, что соперников он не имел.

Рассказывается, что в самом начале 1370 года выходец из Мекки саййид (потомок пророка Мухаммада от его дочери Фатимы и четвертого халифа Али) Береке обратился к эмиру Хусейну по делу передачи в распоряжение священных городов Мекки и Медины имущества, предназначенного для религиозных и благотворительных целей (*вакф*). Но верховный правитель Мавераннахра не только не разрешил его дело, даже не оказал ему должного уважения.

Тогда саййид обратился к главному помощнику Хусейна, к эмиру Тимуру, и принес ему барабан и знамя. Тимур с благоговением принял этот дар, исполнил пожелания Береке и передал в его распоряжение все суммы вакфов. С этого времени саййид Береке (умер в 1403—1404) стал духовным покровителем Тимура и, как уверяет Йезди, повсюду сопровождал его. Впоследствии они были похоронены в одном мавзолее, причем лицо Тимура было обращено в сторону саййида Береке.

Встреча Тимура с Береке и передача эмиру потомком пророка Мухаммада барабана и знамени — символов власти — были восприняты Тимуром и его ближайшим окружением как счастливое предзнаменование. И действительно, 12 рамазана 771 года хиджры /9 апреля 1370 Тимур был торжественно провозглашен верховным правителем государства Мавераннахр. Случилось это событие в Балхе, после того как был низложен и казнен верховный эмир Хусейн.

Эмир Хусейн сам подготовил свою погибель. Он слыл человеком деятельным и храбрым, но при этом имел и недостатки, порочащие его как правителя. Вот как его характеризует историк начала XV века Муин ад-Дин Натанзи:

«Он был очень упрямым и храбрым эмиром; его строгость доходила до такой степени, что он садился в «диван принесения жалоб» с железной палицей в руках; если истец с ответчиком путались в своих речах или не понимали глубины его решения, он собственноручно бил их этой палицей. Скуп он был до такой степени, что носил одежду из хлопчатобумажной ткани; если его одежда разрывалась вследствие трения об лук седла, то он клал заплату. Один этот порок затмевал все его похвальные качества».

В «Зафар-наме» Шами и «Зафар-наме» Йезди, официальных исторических хрониках Тимура, приводится эпизод, характеризующий крайнюю жадность эмира Хусейна.



После расправы в 1366 году с предводителями сербедаров эмир Хусейн наложил штраф на самаркандцев, в числе которых были друзья и сподвижники Тимура. Тимур не хотел ставить своих друзей в трудное положение и пришел им на помощь: отдал все, что мог, в том числе — серьги и браслет своей жены Улджай-Теркен-ага. Эмир Хусейн узнал украшения своей сестры, но все же не возвратил их. Оставалось выплатить еще три тысячи динаров, и это тоже сделал Тимур, чем снискал еще большее уважение друзей и соратников.

Народ не может ценить правителя, умеренность которого доходит до скарденности, упрямство — до тупости, хитрость — до вероломства. Испанскому послу Клавиho во время его пребывания в Самарканде в 1404 году рассказывали, что Хусейна «недолюбливали его подданные, особенно простой люд, горожане и некоторые знатные». Вдобавок ко всему эмир Хусейн был неудачлив и на войне.

Словом, видя, что при таком выдающемся сопернике, как Тимур, он с каждым днем теряет влияние, теряет сторонников, эмир Хусейн, чтобы чувствовать себя независимым от кочевых соплеменников, решил покинуть Мавераннахр и перенести свое местопребывание в Балх. Там он задумал перестроить цитадель Хиндуван и восстановить городские стены. Тимур уговаривал его отказаться от такого решения — это было нарушением «Ясы» Чингиз-хана и могло вызвать восстание. Уничтожение всяких крепостей являлось одним из требований «Ясы» Чингиз-хана, и это требование, по свидетельству персидского историка XIV века Вассафа, исполнялось с неумолимой строгостью. Но Хусейн не прислушался к нему и все-таки отстроил город, цитадель, городские стены и переправил туда казну, свое имущество, семью и много оружия.

Произошло ожидаемое восстание, причем возглавил недовольных эмиром Хусейном сам Тимур. Восставшие осадили Балх, с трудом и с большими людскими потерями, но все же овладели городом. Верховный эмир Хусейн был схвачен и казнен. Причем расправе над низложенным эмиром был придан характер законности: Хусейна убил владетель Хутталана эмир Кейхусрау на основании признанного Кораном права кровомщения (*кисас*), так как десятью годами раньше его брат был убит Хусейном.

На *курултае*, собравшемся после падения Балха и казни эмира Хусейна, присутствовавшие там военачальники торжественно провозгласили Тимура верховным правителем Мавераннахра. Спустя некоторое время вновь был созван *курултай*, но теперь в Мавераннахре, на котором уже все эмиры, вельможи и должностные лица страны принесли присягу новому правителю.



Ожидаемое восстание произошло, причем возглавил недовольных эмиром Хусеином сам Тимур.



Согласно действовавшему праву, гарем казенного верховного эмира Хусейна перешел к Тимуру, но он оставил себе из жен своего предшественника только четырех, среди них — Сарай-Мульк-ханым, дочь хана Казана. Взяв ее себе в жены, а по своему происхождению она сразу заняла место старшей жены в гареме, Тимур получил право на почетный титул гургана.

*Гурган* — монгольское слово и означает «зять». Со времени Чингиз-хана это нарицательное имя стало обозначать почетное звание, титул, который получали мужчины, женатые на царевнах из дома Чингиз-хана. Поскольку генеалогия играла важную роль в государственной и политической жизни той эпохи, то во всех частях обширной Монгольской империи, даже после ее распада, высоко ценилось родство с «золотым родом» Чингиз-хана. Согласно Хафиз-и Абру, придворному историку Тимурида Шахруха, «по старинному уставу и обычаю, гурган должен стоять как слуга перед уругом» — Чингизидом. Титул не делегировал зятю никаких прав и привилегий Чингизидов. Тем не менее к этому почетному званию — «зять ханского рода» — стремились многие тогдашние честолюбцы.

Впоследствии, по примеру Тимура, с домом Чингиз-хана породнились многие из его детей и внуков: Мираншах, Шахрух, Улугбек и другие. В этой связи интересно отметить, что среднеазиатский историк XVII века Махмуд ибн Вали называет династию Тимуридов словом «гурганийан», которое можно перевести как «семья Гурганов», «династия Гурганов».

Одержав победу над верховным эмиром Хусейном, Тимур сделал то же самое, в чем обвинил своего предшественника. Он создал для себя укрепленную столицу в Самарканде с крепостными стенами и цитаделью, где построил дворец — Кок-Сарай, который и при самом Тимуре, и при его преемниках служил преимущественно хранилищем для казны и государственной тюрьмой. Интересные подробности об этом замке содержатся в «Бабур-наме»:

«Одна из высоких построек, воздвигнутых Тимур-беком, — пишет Бабур, — Кок-Сарай, который находится в самаркандской арке. Удивительная у этого здания особенность: всякий потомок Тимур-бека, который поднимал голову и садился на престол, садился именно там; кто складывал голову, притязая на престол, складывал ее тоже там, так что даже говорили иносказательно: «такого-то царевича отвели в Кок-Сарай», значит, убили».

Создание укрепленной столицы вызвало заговор против Тимура и смуту в стране, но заговор был подавлен, а виновники наказаны. Однако еще некоторое время Тимуру пришлось вести борьбу за власть с эмирами арлатов, джалаириров и каучинов, которые имели особый авто-

ритет среди чагатаев, причем самыми упорными врагами Тимура были джалаиры. Опираясь главным образом на барласов, а также на эмиров племен найман и дуглат, Тимур в конце концов одержал верх и окончательно укрепил свою власть в западных областях Чагатайского улуса.

В Туркестане и Дешт-и Кипчаке в рассматриваемое нами время право Чингизидов на власть оставалось непререкаемым, оказывая огромное влияние на идею суверенности политических образований. Тимур был рьяным представителем монгольских традиций и ревнителем прав монгольских ханов. Став в 1370 году полновластным правителем Мавераннахра, он, не будучи Чингизидом, принял только титул эмир (по-тюркски — бек), ханского титула никогда не носил, как и его предшественники, возводил на престол подставных ханов из Чингизидов и называл себя представителем «обладателя престола» (*сахиб ат-тахт*). Некоторые документы (например, грамота из Сыгнака) придают ему ханский титул, называя «эмир Тимур-хан», но, как установил В. В. Бартольд, они являются поздними подделками. На своих монетах и в письмах к иностранным монархам он везде называл себя «Эмир Тимур Гурган».

Несмотря на то, что фактическую власть Тимур оставлял за собой, в том же 1370 году ханом он провозгласил царевича Суюргатмыша, которого Натанзи и автор «*Шаджарат ал-атрак*» называют потомком Угедея, третьего сына Чингиз-хана. Согласно «*Муизз ал-ансаб*», генеалогическому сочинению, составленному в 1426 году при дворе Тимурида Шахруха, у Суюргатмыш-хана было трое детей: два сына — Султан-Баязид, Султан-Махмуд и одна дочь по имени Урун-Султан, которая была замужем за Мираншахом, сыном Тимура. Суюргатмыш-хан участвовал во многих походах эмира Тимура и умер естественной смертью в 1388 году. После Суюргатмыша на престол был возведен его сын Султан-Махмуд (умер около 1403).

Итак, Тимур считал себя преобразователем созданной волею Неба, но распавшейся империи Чингиз-хана и называл себя полномочным представителем державных прав монгольских ханов. Однако для таких широких полномочий одного брачного родства с ханским родом было мало. Чтобы объяснить и оправдать фактически установившееся политическое господство Тимура в Средней Азии, была придумана совершенно фантастическая легенда, цель которой — исторически подтвердить идею наследственной власти Тимура как преемника прежних властителей Средней Азии.

Эту легенду мы находим у нескольких тимуридских историографов. Она сообщает, что Тимур и Чингиз-хан имели общих предков и что будто прадед Чингиз-хана, Кабулшах, заключил письменный договор со своим братом Качули, легендарным предком Тимура, по которому по-





Тимур считал себя  
преобразователем  
созданной  
волею Неба,  
но распавшейся  
империи  
Чингиз-хана  
и называл себя  
полномочным  
представителем  
державных прав  
монгольских ханов.

томки одного должны быть ханами, потомки другого — полновластными правителями. Будто бы этот договор был возобновлен между Чингиз-ханом и Карачаром, потомком Качули, и на его основании некоторые из предков Тимура при современных им монгольских ханах управляли Средней Азией. Но этот документ, снабженный «красной печатью» (*ал тамга*), якобы исчез во время политических смут в Чагатайском улусе в начале XIV века. Однако о нем помнят, и совместное владение ханов Чингизидов и эмира Тимура над Чагатайским улусом имеет юридическое основание — письменное благословение их властных предшественников.

Все это, конечно, легенда, и на самом деле ничего этого не было. Тем не менее статус Тимура принял такую форму суверенности, которая позволила ему передать власть непосредственно своим потомкам и положить в Мавераннахре начало новой династии — нечингизидов. Царевичи дома Тимура носили официальный титул *мирза* (сокращенное от *амирзаде* — «сын эмира»).







ТИТУЛЫ ТИМУРА,  
ЕГО ГЕРБ И ДЕВИЗ

К титулам Тимура-правителя *гурган*, *эмир*, *эмир-и бузург* добавлялось, как было принято в то время, великое множество различных почетных эпитетов: «Завоеватель мира», «Измеритель вселенной», «Владыка людей», «Монарх мира», «Тень Создателя» и другие. Но нарративные источники, созданные в государстве самого Тимура и Тимуридов, называют Тимура **«Сахиб-киран» — «Обладатель счастливого сочетания звезд (созвездий)»**, и этот титул употребляется чаще других, даже чаще собственного его имени.

Как правитель Тимур продолжал традиции прежних государей и имел свой герб и свой девиз.

«Герб Тимур-бека, — пишет Клавихо, — три круга, расположенные таким образом:



Это значит, что он царь трех частей света, и этот герб он приказал изображать на всех монетах и на всех предметах, которые изготавливаются по его приказанию. ...Эти три кружочка наподобие буквы **О** встречаются и на царских печатях, и он приказывает тем народам, которые облагаются данью, чтобы также ставили этот знак на своих монетах».

Ибн Арабшах также указывает на три кольца в гербе Тимура, который он применял в качестве «клея на своих животных и центрального знака на своих монетах», но в иной, чем у Клавихо, позиции:



Тамга Тимура на монетах его чекана чаще встречается с одним кольцом сверху. Эту традицию — изображать на монетах три кружка — продолжил Абу Саид (правил в 1452—1469), правнук Тимура от его сына Мираншаха.

Своим девизом, отражающим главную идею его правления, Тимур избрал персидское выражение, которое у Ибн Арабшаха передается как *«фасту русти»*, а у Гийас ад-Дина Али — *«фасту ва русти»*. Первое из них многие востоковеды переводят как «справедливость — сила»; по мне-



нию В. В. Бартольда, это изречение следует понимать и переводить как «в справедливости — сила», а М. Е. Массон предлагает другой вариант: «сила — в справедливости». Второе выражение переводят как «справедливость и сила».

Эта персидская фраза присутствовала на печати и на перстне Тимура.

Для любознательных умов дополню настоящую главу некоторыми сведениями о восточных печатях.

У восточных мусульман было в обычае прикладывать вместо подписи именную печать или перстень для засвидетельствования, удостоверения подлинности документов.

Обычно материалом для печатей владельцев восточномусульманских государств был металл, точнее так называемая «восточная бронза» — *хафт джуш*, сплав из семи металлов: олова, серебра, меди, сурьмы и других. На металле нарезали зеркальное изображение надписи и знака, поэтому мастер по изготовлению печатей — *мухркон* — часто был левшой.

Все ханские печати туркестанских владельцев имеют миндалевидную форму с завитком по краям. Эта форма печати, называемая *бадами* (от персидского слова *бадам* — «миндаль»), являлась исключительной привилегией царственных особ не только в Средней Азии, но и в Крыму, и в других местах.

В Санкт-Петербурге в Эрмитаже хранятся золотые печати хивинских ханов, конфискованные из ханской сокровищницы при взятии города Хивы царской армией в мае 1873 года. Известны печати-перстни из благородных камней. Такой перстень-печать с изумрудом, оправленный в золото и принадлежавший Тимуриду Мираншаху, также хранится в Эрмитаже. В коллекциях этого музея имеются перстни-печати из хризолита, нефрита, сердолика, агата и других камней. При изготовлении печатей пользовались прочными материалами, чтобы печать быстро не изнашивалась.

В качестве краски для оттиска печати пользовались обычно тушью разных цветов.

Печать называлась по-персидски *мухр* (печать, штемпель) и *нишан* (метка, след, знак) или употреблялся тюркский термин *тамга* (геральдический знак). В документах (ярлыки Токтамыш-хана) и нарративных источниках («*Шаджарат ал-атрак*», «*Тарих-и Рашиди*» и других) встречаются выражения: «алтун нишанлик йарлик», «ал тамгалик йарлик», «кок тамгалик йарлик» и другие.

Именная печать часто заменялась перстнем. Перстень-печать тоже имел миндалевидную форму и надпись. Ярлыки тюркских владельцев, скрепленные именной ханским перстнем, назывались «*йузук нишанлик*

йарлик». По-русски такое выражение, согласно утверждению профессора Н. Веселовского, передавалось так: «с жиковинным нишаном грамоту послал есми» или просто: «жиковиною запечатав» (жиковина — перстень, заменяющий печать).

На печатях и печатях-перстнях встречаются и короткие, и довольно пространные надписи. Перстень-печать Тимурида Мираншаха содержит следующий текст: «Амир ал-умара Азербайджана мирза Мираншах, сын эмира Сахиб-кирана, эмира Тимура Гургана, 802 (1399—1400)».







ПРАВЛЕНИЕ  
ТИМУРА

Тимур чрезвычайно высоко оценивал власть правителя. На это указывают и многие его высказывания. Шараф ад-Дин Али Йезди вкладывает в его уста такие слова: «Держава — от Бога всевышнего, но причина ее» — государь. Вместе с тем Тимур был убежден, что государи, превосходя прочих людей положением, должны превосходить их также высокими природными качествами, чтобы правильно оценивать выдающиеся достоинства в других. «Достоинство великих людей, — сказал он однажды своим приближенным, — могут знать только великие люди, и вершины величия и славы достигают лишь великие государи и пышные султаны».

Сам Тимур, несомненно, был государем от природы, от Бога и обладал многими выдающимися достоинствами. Отвага, честь, благородство, щедрость, познания в науке, недюжинный талант — этими качествами отличался Тимур, благодаря этим качествам он превосходил многих.

В связи со сказанным стоит напомнить, что Тимур не получил в молодости образования и, по свидетельству Ибн Арабшаха, был неграмотен; тем не менее кроме тюркского языка он знал персидский и понимал по-монгольски. Тимур находился в постоянном общении с учеными, в беседах с ними, слушал своего придворного «чтеца рассказов» (*киссахан*), а также благодаря исключительной памяти, воле и стараниям, он приобрел основательные познания в некоторых науках. Подробности мусульманского вероучения были усвоены им настолько, что Тимур мог следить за религиозными прениями и даже принимать в них участие. Архитекторы при возведении построек должны были руководствоваться художественными замыслами Тимура.

Особых успехов Тимур достиг в светских науках, и своими ошеломляющими знаниями деталей истории и географии мусульманского мира удивлял одного из величайших арабских историков того времени — Ибн Халдуна.

Познания в истории оказывали Тимуру практическую помощь, примерами из прошлого он воспитывал своих воинов. Именно такой факт отмечает Йезди, включивший в свою хронику рассказ о приключениях в сирийской степи в 1393 году двух подданных Тимура, джучидского царевича Ибадж-оглана и чагатайского эмира Джелала, сына Хамида.

Оба они изнывали от жажды и нашли только два глотка воды. Ибадж-оглан выпил глоток, но не утолил им своей жажды и попросил Джелала уступить свою долю. Тот вспомнил рассказ, некогда слышанный им от Тимура. Два путника, араб и перс, изнывали от зноя в пустыне, но у араба еще оставалось немного воды. Перс попросил отдать воду ему — только эта вода могла бы спасти его от смерти, и если араб отдаст воду, это будет лучшим доказательством прославленного благородства его народа.



Араб ответил: «Я хорошо знаю, если я отдам тебе воду, мне придется умереть, но слава арабов мне дороже собственной жизни».

Перс получил воду и благодаря этому остался жив.

Джелаль прибавил: «Я поступлю, как тот араб, и дам тебе воды, чтобы наложить обязательство на потомков Джучи и улус его и сохранить добрую славу улуса Чагатая. Только прошу тебя, когда ты вернешься к государю, доложи ему обо всем этом, чтобы рассказ был внесен в летопись».

Ибадж-оглан дал обещание, получил воду и восстановил свои силы. Однако Джелалю тоже удалось спастись от смерти. Вместе они достигли Кербелы, явились к Тимуру и рассказали ему о происшедшем. Тимур приветствовал поступок Джелаля и его заботу о чести Чагатайского улуса, вспомнил также о заслугах его отца Хамида.

Известно, народ ценит, когда с его представителями говорят, советуются, что-то им объясняют, вовлекают в дела государственные, иногда, может быть, только делая вид...

Тимур это понимал. Он нередко объяснял приближенным, подданным свое видение того, что надлежит сделать правителю и зачем. Он, по сведениям источников, лично интересовался положением своих подданных, жестоко наказывал злоупотребления, мздоимцев. Свою среду Тимур с ранней юности хорошо знал, так же хорошо разбирался в настроениях владетелей Мавераннахра. И все это давало ему возможность предугадывать, как будет воспринят народом каждый его шаг, каждое его слово, каждая его акция.

Популярность Тимура как правителя достигала заоблачных высот. Хотя, конечно, в государстве было немало и тех, кто его недолюбливал, с трудом терпел или не терпел вовсе.

Тимур, по словам историка Хафиз-и Абру, современника и служителя его двора, никогда не употреблял крепких напитков. Из всех удовольствий, которым предаются в свободное время правители, Тимур предпочитал заниматься охотой, игрой в нарды (кости), особенно его привлекали шахматы, причем достиг в них редкого искусства и играл с лучшими мастерами того времени, Ибн Арабшах приводит их имена. В военном деле Тимур был знатоком необыкновенным и даже новатором, также отличался большим организаторским талантом, а это качество — одно из важнейших для государственного деятеля.

Чтобы полнее раскрыть образ Тимура-правителя, дополню сказанное словами Ибн Арабшаха.

Он подчеркивает, что царственный облик Тимура был прекрасен, даже увечья не мешали ему выглядеть великим и внушать покорность.



В шахматы Тимур  
играл с лучшими  
мастерами того  
времени.



Тимур обладал громким голосом и говорил с твердой решительностью, не терпел фальши, предпочитал правду, какой бы она ни была горькой. Он не позволял говорить при себе об убийствах, мародерстве, разбоях и насилии над женщинами; был удачлив в высшей степени; любил смелых и храбрых воинов, благодаря которым «переворачивал вершины гор».

Напомню, что так пишет о Тимуре его заклятый враг — Ибн Арабшах.

И еще. Известно, что уныние — это чувство-разрушитель, оно лишает человека духовных и физических сил, надежды; оно лишает самого главного — вкуса к жизни. Жизнь, какой бы она ни была, следует принимать с благодарностью, надо уметь, надо научиться радоваться жизни. В этом, кстати сказать, суть известного французского выражения: *се la vie*.

Смысл человеческого бытия — радоваться и с благодарностью принимать жизнь — был хорошо усвоен Тимуром. И подтолкнуло, думаю, его к такому восприятию жизни случайное наблюдение за муравьем в дни выздоровления после тяжелых ранений, о котором мы уже говорили выше. По словам Ибн Арабшаха, Тимур никогда не унывал, не падал духом при неудачах и открыто не радовался успехам. Словом, у него были стальные нервы и редкое самообладание.

Несомненно, Тимур — одна из знаковых фигур в истории Азии. Однако из изложенного выше его не следует представлять себе идеальным героем-рыцарем, правителем, наделенным одними лишь добродетелями. У Тимура, как и у всех людей, были недостатки. Особенно он был страшен и неуправляем в гневе. По рассказам того же Ибн Арабшаха, одна из жен Тимура, красавица Чолпан-Мульк, была убита Тимуром, как только до него дошли слухи о ее якобы неверности.

В обеих официальных версиях истории Тимура это трагическое происшествие не упоминается. Зато в них содержится немало подробных описаний жестокости Тимура во время ведения войн, но об этом позже.

Из того, что известно специалистам о высказываниях и поступках Тимура, академик Василий Владимирович Бартольд еще в 1924 году вывел заключение о том, что в основе действий Тимура-правителя лежат три принципа: династический, религиозный и военный.

А теперь более подробно о них.

Суть *династического принципа* в следующем: жизнь потомков и ближайших родственников Тимура неприкосновенна, даже если они с оружием в руках выступают против него.

Вот два примера.

Первый приведен Ибн Арабшахом. В 1399 году — в самый разгар военной кампании, когда Тимур со своими войсками покорял и разорял Индию, он получил от Мираншаха, своего третьего сына (1366—1408), письмо, в котором тот указывал отцу на его преклонный возраст и предлагал посвятить остаток жизни молитвам, а дела правления передать сыновьям и внукам. В официальных же хрониках говорится только о мятежных намерениях Мираншаха, о них сообщила его жена, прибывшая тогда в Самарканд.

В том же 1399 году Тимур предпринял поход против мятежного сына, которого он поставил во главе обширных владений — от Багдада до Дербента и от Хамадана до Сиваса в Малой Азии. Чтобы скрыть истинную цель похода, Тимур объявил Мираншаха душевнобольным. Мираншах и его подданные подчинились Тимуру без сопротивления. Мираншах был низложен, и только... а вот все советники и приятели, с которыми он весело проводил время, казнены, растроченные им деньги возвращены в казну.

Пример второй. Во время осады Дамаска в конце 1400 года внук Тимура Хусейн перешел к осажденным и вместе с ними сражался против своего деда. Еще до сдачи города, во время одной удачной операции Хусейн был взят в плен и приведен к Тимуру. И в этом случае потомок Тимура не подвергся казни. По приказу деда изменнику Хусейну отрезали косу, заставили его переменить одежду и наказали палками.

И так было всегда. Мятежные и провинившиеся принцы по приказу Тимура наказывались только палками.

Надобно напомнить, что вообще своим потомкам Тимур уделял большое внимание. Их воспитание он считал государственным делом, к которому их собственные родители отношения не имели. Как передает хорошо информированный тимуридский историк XV века Абд ар-Раззак Самарканди, когда предвиделось счастливое событие, ожидающую ребенка мать призывали ко двору и окружали всякими заботами, но тотчас после разрешения младенца у нее отнимали и поручали заботу о нем назначенным для этого лицам, тщательно следившим за его пищей, одеждой и всем необходимым; когда наступало время обучения, ребенка передавали воспитателю (*атабеку*), и тот вкладывал в него все, что нужно было знать будущему государю, хотя разницы между воспитанием наследника престола и воспитанием других царевичей не было.

Религиозный принцип политики Тимура основывался на открытом уважении к религии и ее представителям, особенно к саййидам, считавшимся главными представителями религиозных идей мусульманства. Как и потомки самого Тимура, потомки дома пророка Мухаммада пользо-



вались неприкосновенностью, где бы они ни жили. Войскам было запрещено грабить и захватывать в плен саййидов и ученых-теологов. Если саййиды совершали враждебные действия по отношению к Тимуру, то обычно подвергались только переселению в другие области или изгнанию из страны.

Тимур всегда чтит традиции Монгольской империи и очень высоко ценил военные традиции в системе государственного управления Чингиз-хана. В его войске господствовали монгольские порядки, они легли в основу *военного принципа* правления Тимура.

Тимур оправдывал свои завоевания тем, что считал себя единственным, кто может восстановить порядок Монгольской империи, нарушенный ее распадом.

Уже в самом начале своего правления в Мавераннахре Тимур не имел соперников. Его личные качества привлекали многих, мы об этом уже говорили, велико было и его влияние на остальных владельцев страны, им он умело пользовался. Со временем Тимур стал располагать достаточной военной силой, чтобы подавить любой племенной мятеж. Но угроза его положению все же существовала, и исходила она не от отдельных личностей, а от политической системы как таковой, при которой государство продолжало оставаться раздробленным на мелкие автономии, управляемые местными родоплеменными вождями. И Тимур вынужден был начать разрушение политической системы, государственной централизацией вытесняя автономию, превращая активную племенную конфедерацию страны в слепо преданную ему армию.

Первым шагом в этом нелегком деле было создание заслуживающего полного доверия корпуса военачальников, подчиненных лично Тимуру. Новую элиту общей численностью до нескольких сотен человек составили сподвижники Тимура и члены его семьи.

Но даже предпринимая этот шаг, Тимур не чувствовал себя в безопасности. У него не было твердой уверенности, что против него не выступит новая элита. Чтобы обезопасить себя, Тимур пошел тем же путем, который оправдал себя при создании государства. Объединив под своим началом население западных областей Чагатайского улуса, Тимур задумал присоединить и соседние области. С этой целью в начале 70-х годов XIV века он осуществил серию военных походов, сначала против ближайших соседей, а после 786 года хиджры/1384—1385 предпринял ряд грандиозных дальних походов, лишь изредка возвращаясь в Мавераннахр.

Начался второй этап карьеры Тимура. Теперь для утверждения своей политики он использовал завоевания. Почти вся жизнь Тимура-правителя прошла в походах. И как справедливо отметила американская

исследовательница Beatrice Manz, он не предпринимал попыток для создания новой системы государственного правления, он унаследовал две хорошо известные системы — тюрко-монгольскую и арабо-персидскую — и приспособил их для своих собственных целей. Сохраняя традиции монгольской государственности, Тимур возводил на престол подставных ханов из потомков Чингиз-хана, управляя формально от их имени, фактически же — полновластно. Кочевыми тюркскими и оседлыми иранскими подданными он правил раздельно. Соответственно и центральная администрация в государстве Тимура представляла собой два дивана: *диван-и а'ла* и *диван-и бузург*. Функции этих двух диванов были различны. *Диван-и а'ла* являлся административным учреждением, наделенным широкими полномочиями, в то время как *диван-и бузург*, похоже, выступал главным образом как трибунал для чагатайских эмиров.

В годы правления Тимура система распределения областей между главами сильных родов была упразднена и восстановлено прежнее, действовавшее еще в начале XIV века, до Кебек-хана (правил в 1318—1326), деление государства на уделы. Эти уделы распределялись между представителями одного правящего рода. К концу жизни Тимура территория его огромной державы оказалось поделенной на четыре больших наместничества, во главе которых стояли его потомки: северо-западными областями владели Мираншах (умер в 1408) и его дети; юго-западными — сыновья Омар-Шейха (убит в 1394); юго-восточными — Пир Мухаммад ибн Джахангир (умер в 1376); северо-восточными — Шахрух (умер в 1447) и его семейство.







САМАРКАНД —  
СТОЛИЦА  
ГОСУДАРСТВА  
ТИМУРА

Самарканд — один из древнейших городов и центров цивилизации — прошел сложный исторический путь. Со времени основания до наших дней Самарканд несколько раз менял свое название и свое место: поселение на месте городища Афрасиаб — VII—VI века до новой эры; Мараканд — V век до новой эры; вновь Афрасиаб — V—VII века новой эры; Самарканд-Семизкент — до XIII века; Семизкент-Самарканд — XIV—XV века; Самарканд — с XVI до середины XIX века в составе Бухарского ханства, затем эмирата; Самарканд — в колониальный период с 1868 по 1917 год; Самарканд — в советскую эпоху; и с 1991 года Самарканд — один из крупнейших городов суверенной Республики Узбекистан.

При осаде Самарканда Чингиз-ханом в 1220 году монголы уничтожили одну из плотин, и вода затопила город. После этого еще несколько раз монголы совершали набеги на город и уводили его жителей. Город опустел, но вновь возник на новом месте — вне границ Афрасиаба. Своего наивысшего расцвета Самарканд достиг, когда стал столицей государства Тимура. Пожалуй, никогда, ни до, ни после этого, Самарканд не перестраивался так интенсивно: воздвигалось множество величественных зданий и торговых сооружений, город и его окрестности благоустраивались великолепными садами и водоемами.

Почему именно Самарканд Тимур избрал столицей своей державы? Существует несколько мнений. Одни говорят, что Самарканд был первым крупным городом, которым он овладел; другие уверяют, что Тимуру понравились климат и природа, окружавшая город; третьи полагают, что Самарканд привлек Тимура своей известностью с древних времен, это был город, в котором знаменитый Афрасиаб правил страной Туран.

Авторы двухтомной *«Истории Самарканда»* утверждают, что объективная причина выбора Тимуром столицей именно Самарканда заключалась прежде всего в том, что этот город, находясь в центре Мавераннахра, имел выгодное географическое положение. Воды здесь было в избытке, с трех сторон его окружали горы, город дышал свежестью благодаря воздушным течениям с гор, полей, лугов, из леса, а близлежащие к Самарканду земли обладали огромными запасами строительных материалов.

Так или иначе, в 1370 году, после избрания верховным эмиром Мавераннахра, Тимур из Кеша переехал в Самарканд, где прежде всего начал строить крепостные стены и цитадель, а также дворец. Хорошо укрепленный город был необходим Тимуром как надежный оплот против возможных выступлений со стороны его потенциальных противников и внешних врагов.

С именами Тимура и его потомков связана, как известно, одна из лучших эпох в истории мусульманской архитектуры. Тимур не только



украсил Самарканд новыми дворцами, зданиями, имеющими общественное значение, но и значительно перестроил его, создав в нем благоустроенные базары, караван-сарай, склады для товаров, наполнив его кварталы разнообразными ремесленными мастерскими.

Самарканд, по мысли Тимура, должен был стать самым величественным городом в мире. И чтобы это величие было зримо, Тимур, по рассказу Ибн Арабшаха, вокруг Самарканда построил селения, которым дал названия самых больших известных ему городов: Шираза, Султании, Багдада, Димишка (Дамаска) и Мисра (Каира).

Подробное и интересное во многих отношениях описание Самарканда содержится в «Дневнике путешествия» Клавихо, который летом и осенью 1404 года провел несколько месяцев в столице государства Тимура.

Свое описание посол кастильского короля Генриха III начинает такими словами: «Теперь, рассказав, что случилось с посланниками в этом городе Самарканте, я опишу сам город, его земли и то, что сделал сеньор, чтобы его возвеличить.

...Город Самарканте расположен на равнине и окружен земляным валом и очень глубокими рвами. Он немного больше города Севильи, то, что внутри городской стены, а за городом выстроено много домов, примыкающих к нему с разных сторон как предместья. Весь город окружен садами и виноградниками, которые тянутся в иных местах на полторы лиги, а в других — на две. А город стоит среди них. Между этими садами пролегают улицы и площади, очень населенные, где живет много народа и где продается хлеб, мясо и многое другое. Так что то, что находится за валом, более населено, чем сам город.

В этих загородных садах много больших и знаменитых построек, и у самого сеньора там есть дворцы и главные погреба. Кроме того, у знатных горожан есть в этих садах свои дома и помещения. И столько этих садов и виноградников вокруг города, что когда подъезжаешь к нему, то кажется, что приближаешься к целому лесу высоких деревьев и посередине его стоит сам город.

А через город и эти сады проложено множество оросительных каналов, в этих садах выращивают также много дынь и хлопка. А дыни в этой земле обильны и превосходны. До Рождества у них бывает столько дынь и винограда, что удивительно; каждый день приходят верблюды, нагруженные дынями в таком количестве, что нельзя не удивляться, как они раскупаются и потребляются. В селах их столько, что их сушат и хранят, как инжир, из года в год. А сохраняют их таким образом: режут поперек большими кусками, снимают корку и кладут на солнце, и когда высушат, все собирают, кладут в мешки и так хранят годами.

За городом простираются большие равнины, где много больших деревень, в которых царь поселил людей из других завоеванных им земель.

Эта земля обильна всем — как хлебом, так и вином и мясом, плодами и птицей; бараны там очень крупные и с большими курдюками, а есть и такие, у которых курдюк весит двадцать фунтов, сколько один человек может удержать в руке. И этих баранов столько и они так дешевы, что когда сеньор был там со всем своим войском, то пара их стоила один дукат. Другие товары также очень дешевы, за один мери, равный полреалу, давали полторы фанеги ячменя. Хлеб так дешев, что дешевле быть не может, а риса невероятно много.

Так изобилен и богат этот город и его земля, что просто удивительно. А за это богатство он и был назван Самарканте, а его настоящее имя **Симескинт**, что значит «*богатое селение*», так *симес* означает у них большой, а *кинт* — селение, и отсюда пошло название Самарканте.

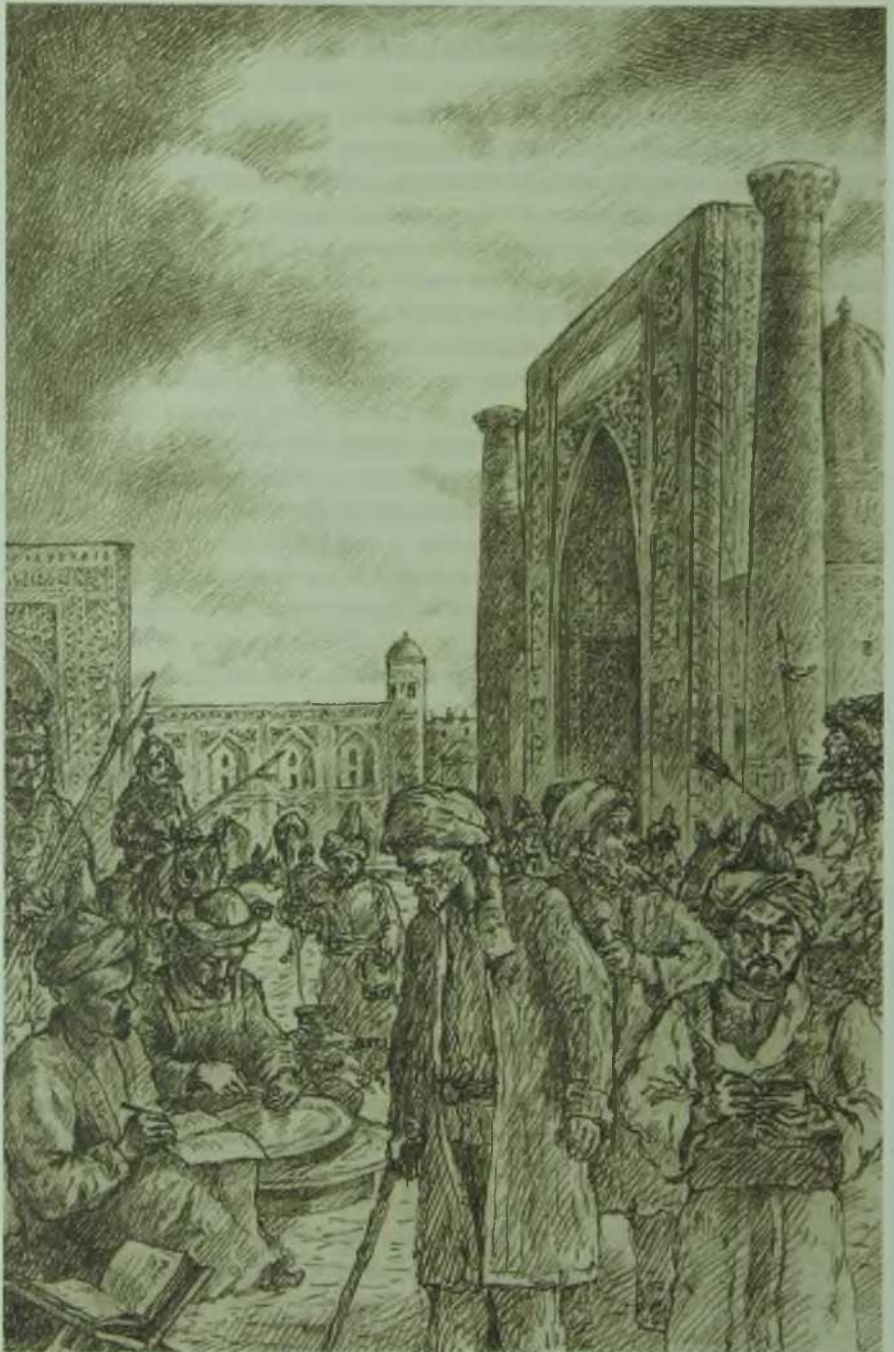
Богатство этой земли не только в изобилии съестного, но и в шелковых тканях, атласе, камке, сендале, тафте, терсенале, которых здесь производится много, также и в меховых и шелковых подкладках, в притираниях, пряностях и в золотых и лазоревых красках и прочих предметах.

Поэтому сеньор очень хотел возвеличить этот город и, когда завоевывал какие-либо земли, отовсюду приводил людей, чтобы они населяли город и окрестные земли, особенно он собирал мастеров по разным ремеслам. Из Дамаска он прислал разных мастеров, каких смог найти: всевозможных ткачей, умельцев по лукам для стрельбы и оружейников, тех, кто обрабатывает стекло и глину, и эти мастера считаются лучшими в мире. А из Турции он привел арбалетчиков и других умельцев, каких смог найти: каменщиков, золотых дел мастеров, сколько их нашлось; и столько их привез, что в городе можно найти любых мастеров и умельцев. Кроме того, он привел мастеров по метательным машинам и бомбардиров и тех, которые плетут веревки к этим устройствам. Они посеяли коноплю и лен, которых ранее никогда не было в этой земле.

И столько разного народа собрал Тамур-бек со всех сторон в этот город, как мужчин, так и женщин, что, говорят, их было более ста пятидесяти тысяч человек. Среди этих людей были разные народы — турки, арабы, мавры и другие, армянские и греческие католики, несториане и якобиты и те, которые совершают обряд крещения огнем на лице, то есть те христиане, которые имеют особые понятия в вере. И этих людей было столько, что они не могли поместиться ни в городе, ни на площадях и улицах, ни в селениях, ни даже за городом; под деревьями и в пещерах их было удивительно много.







«Самарканд  
— удивительно  
благоустроенный  
город... для каждого  
промысла отведен  
отдельный базар.  
Есть там лучшие  
пекарни и харчевни.  
Лучшая бумага  
в мире получается  
из Самарканда.  
Еще один  
самаркандский товар  
— малиновый бархат.  
Его вывозят во все  
края и страны».

*Бабур*

Кроме того, этот город изобилует разными товарами, которые стекаются в него из разных стран: из Руси и Тарталии идут кожи и льняные полотна, из Китая — шелковые ткани, которые лучше всего делаются в этой стране, особенно атласы, о которых говорят, что они лучшие в мире, а самые ценные те, что без узоров. Кроме того, привозят мускус, которого нет нигде в мире, кроме как в Китае. Еще привозят рубины и бриллианты, так что большая часть их, что имеется в этой стране, привозится оттуда; и жемчуг, и ремень, и много разных пряностей.

...Из Индии в этот город идут мелкие пряности, то есть самые лучшие: мускатный орех, гвоздика, скорлупа мускатного ореха, цвет корицы, имбирь, корица, манна и многие другие, которые не переправляются в Александрию.

В городе много площадей, где продают мясо, вареное и соленое, приготовленное разными способами, и кур, и домашнюю птицу — все очень опрятно, а также хлеб и плоды, все очень чистое. Эти площади и днем и ночью полны торгующего народа. Также много мясных лавок, где продают мясо, кур, куропаток, фазанов, и все это можно найти и днем и ночью.

В одном конце города стоит замок, как будто на ровном месте, если смотреть со стороны, но на самом деле он окружен глубоким рвом, который образуется из ручья: и из-за этого рва замок неприступен. В этом замке сеньор хранил свою казну, и туда не входил никто, кроме алькальда и его людей. В этом же замке он содержал до тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки, стрелы и круглый год работали на него».

В другом месте «Дневника» Клавиho пишет, что в Самарканде «не было специальной площади, где бы удобно было торговать, сеньор приказал проложить через город улицу, в которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров. Эта улица начиналась в одном конце города и шла до другого, пересекая его весь. Эту работу сеньор поручил двум своим мирассам, сказав, что если они не постараются и не будут трудиться день и ночь, то поплатятся головой.

...И сделали улицу очень широкой, а по обеим сторонам поставили палатки; перед каждой палаткой установили высокие скамейки, покрытые белыми каменными плитами. Все палатки были соединены по две, а сверху вся улица была накрыта сводом с окошками, через которые проходил свет. Как только кончали работать в палатках, тотчас в них направляли торговцев, которые продавали там разные товары. В некоторых местах улицы были фонтаны».

Пораженный созидательной деятельностью Тимура, размахом его работ, количеством мастеров из разных стран и их искусством, Клави-



хо особо отмечает, что на северо-восточный берег Амударьи — в Мавераннахр — пропускали всякого, кто хотел. Но без особого разрешения покинуть Мавераннахр и переехать на юго-западный берег Амударьи не мог никто. Так сильно боялся Тимур потерять хотя бы одного человека, способного к работе.

Славу средневекового Самарканда составляли его *баги* — сады, большая часть которых была заложена при Тимуре. В статье Г. А. Пугаченковой «Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов» приводится перечень четырнадцати садов Тимура и его внука Улугбека — владельца Самарканда с 1409 по 1449 год. Из них девять или десять садов были заложены Тимуром для своих жен и царевен.

И лишь один сад, а точнее дворец с садом — *Бустан-и Сарай* («Дворец Плодового сада»), стал украшением самой цитадели Самарканда. Главная масса садов располагалась вне городской черты.

Вот названия некоторых садов Тимура: «Сад — *Узор Мира*» был заложен в 70-х годах XIV века у подножья горы Чопан-Ата; «*Райский сад*» был создан Тимуром в 1378 году для жены Туман-Аги и располагался к западу от города; «*Баги-Шамал*» («Северный сад», или «Сад северного ветерка») в 1397 году получила в дар внука Тимура, дочь Мираншаха. «*Баг-и Дилкуша*» («Сад, пленяющий сердце»), один из самых роскошных садов Тимура, предназначался для Тукель-ханым и находился в шести километрах к востоку от Самарканда. Начало ему было положено в 1396 году, работы велись, по Йезди, два года. Но и в 1399 году во дворце сада еще продолжалась отделка. При описании этого дворца Ибн Арабшах отмечает, что его стены были украшены росписями с изображением побед Тимура, его сыновей и внуков, его эмиров и войск.

Достопримечательностью Самарканда со времени Тимура считалась большая равнина на северо-востоке от города — Кан-и Гиль. Вдоль арыка Аб-и Рахмат стояло множество чайхан, палаток, и по пятницам — в выходные дни, — когда сюда стекался народ, на потеху публике начинали выступления фокусники и акробаты. Здесь часто устраивались пиры и отмечались городские торжества, в них участвовало все население — от придворных и гвардии до купцов и ремесленников.

И наконец еще одно, последнее, сказание о Самарканде.

В годы правления Тимура жители столицы имели некоторые преимущества перед прочим населением страны. Они выражались в различной форме. Приведу два примера.

В первом отмечу: Тимур ценил красоту и роскошь и позволял соприкоснуться с ними жителям своей столицы. Во время его отсутствия в городе, а он часто отсутствовал годами, великолепные и грандиозные

сады Самарканда служили местом прогулок для всех его жителей — богатых и бедных.

Пример второй. В 1396 году, после возвращения в Самарканд из так называемого «пятилетнего похода», по свидетельству Йезди, Тимур на три года освободил население столицы от податей.

Из великолепных построек, воздвигнутых по приказу Тимура вне Самарканда и его окрестностей и сохранившихся до наших дней, известны только мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави (*Иасави*). Находится он в Казахстане в городе Туркестан, расположенном на правом берегу среднего течения Сырдарьи.

Туркестан — один из древних городов Присырдарьи. Он, как и Самарканд, несколько раз менял свое название и свое место.

По сообщениям арабских географов, приблизительно на том месте, где находится нынешний город Туркестан, располагался город Шавгар. Но уже в XII столетии этот город стал называться Ясы, а к концу XVI века он принял название Туркестан.

Именно здесь, в городе Ясы, развернулась деятельность крупнейшего тюркского суфийского шейха Ходжи Ахмеда. Полное фамильное имя шейха: Кул Ходжа Ахмед ибн Ибрагим ибн Махмуд ибн Ифтихар Ясави. *Нисба* — прозвание по месту рождения или жительства — «**Ясави**» происходит от названия города Ясы, где шейх жил, умер и был похоронен.

Биография Ахмеда Ясави известна нам почти исключительно по позднейшим источникам, и в ней есть лакуны. В источниках указывается, и это достоверно, что он умер в 562 годы хиджры/1166—1167. Однако ни в одном дошедшем до нас источнике не упоминается год его рождения. Поэтому многие исследователи сходятся на том, что Ахмед Ясави родился во второй половине XI века.

По некоторым известиям, Ахмед происходил из города Сайрама (ныне — это восточный пригород Шымкента в Казахстане), известном также под названиями Исфиджаб и Мадинат ал-байда — Белый город. В XI веке Исфиджаб-Сайрам был важным исламским центром науки и культуры. В нем жили тюрки и иранцы.

По одним известиям, отец Ахмеда, Ибрагим, был родом из тамошних тюрков. Однако существует родословная, считающаяся вымышленной, согласно которой Ибрагим являлся потомком в пятнадцатом колене четвертого халифа Али (правил в 656—661), двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада.

Отец Ахмеда умер, когда сыну было всего семь лет. Вскоре умерла и мать, Айша, по прозвищу Карашаш-Ана.

Мальчик со своей старшей сестрой переселился из Исфиджаба-Сайрама в город Ясы. Вдумчивый и впечатлительный, «проявлявший чудес-





ные способности, не свойственные его возрасту», Ахмед обратил на себя внимание местного шейха Арслан Баба (арабское *баб* — «ворота» — употреблялось в Туркестане для обозначения распространителей ислама), человека весьма уважаемого в суфийских кругах Средней Азии. Ахмед обучался и воспитывался у шейха Арслан Баба почти шестнадцать лет.

После смерти наставника Ходжа Ахмед отправился в Бухару и там обучался у знаменитого тогда суфийского шейха Ходжи Юсуфа Хамадани (умер в 1140). Прослушав полный курс поучений, Ходжа Ахмед получил *иршад* — разрешение на право самому поучать суфийскому *тарикату* (путь к мистическому познанию Истины). Некоторое время шейх Ахмед даже руководил бухарской общиной мистиков. Затем он покинул Бухару и уже признанным ученым-богословом вернулся в Ясы, где и жил до конца своих дней, наставляя *мюридов* — последователей, учеников из числа жителей тех краев.

Ходжа Ахмед, получивший от тюрков почетное прозвание **Ата Ясави** — **Отец Ясави**, оказывал большое влияние на распространение среди тюрков ислама и мусульманского мистицизма. Ходжа Ахмед Ясави известен произведением «Диван-и Хикмат» — «Сборник мудрых изречений». Эта книга, получившая большую популярность, представляет собой сборник стихотворений суфийской направленности, рассказывающих об основах исламского мировоззрения, о жизни подвижников веры, о способах достижения мистического общения с Богом. Изречения Ахмеда Ясави написаны на тюркском языке, в основном легким слогом, понятным народу — для него они и предназначались. Сборник «Диван-и Хикмат» выдержал множество переизданий. Его стихи до сих пор читаются и почитаются не только у тюркоязычных народов.

Число последователей и духовных чад Ахмеда Ясави достигло нескольких десятков тысяч человек. Благодаря своей учености, высоким нравственным качествам и владению ораторским искусством, он снискал огромную популярность и авторитет. К нему приходили облегчить душу, послушать проповедь. Ходжа Ахмед Ясави слыл покровителем страны тюрков и назывался *Хазрет-и Туркестан*.

Смерть знаменитого шейха в 562 году хиджры/1166—1167 несколько не умалила его славы. Напротив, к его могиле в городе Ясы ежегодно стекались тысячи и тысячи паломников, а сложившийся культ Ахмеда Ясави как главного тюрко-мусульманского святого еще более усилил роль региона в жизни степи и всего тюркского мира.

Слава Ходжи Ахмеда Ясави и значение города Ясы еще более выросли после возведения Тимуром в XIV веке великолепного мавзолея над могилой святого.

Согласно «Зафар-наме» Йезди, осенью 1397 года Тимур посетил город Ясы и совершил торжественный обряд поклонения могиле главного святого тюрков. Затем эмир одарил живших при мазаре (место захоронения) людей, после чего отбыл из этих мест.

Очевидно, именно во время пребывания в городе Ясы последовал приказ Тимура о возведении мавзолея над могилой Ходжи Ахмеда Ясави и выдаче грамоты, дошедшей до нас, о передаче большого количества обрабатывавшихся земель в дар, пожертвование — *вакф* — местным «святым местам».

По воле высокого заказчика над могилой Ахмеда Ясави было воздвигнуто величественное сооружение, чьи купола и ныне соперничают с голубым небом. Считается, что Тимур лично участвовал в разработке проекта будущего мавзолея. На строительстве использовался жженный кирпич. Глину для него брали в урочище Сауран, в тридцати пяти километрах от места постройки. Песок и глину для глазурей также брали неподалеку. Известный востоковед М. Е. Массон писал: «По преданию, кирпичи и изразцы для усыпальницы изготавливались в Сауране, откуда вереницей стоящих людей передавались в Ясы на постройки». Химический анализ многочисленных карьеров вокруг Туркестана подтвердил достоверность предания.

Около шести столетий стоит это сооружение, сохранившее свою первозданность. И это делает честь инженерному мастерству его создателей. Оно включает в себя мавзолей, мечеть и множество других помещений. Главный зал мавзолея — *казандык*. В его центре стоит бронзовый котел — ритуальный казан в рост человека. Его диаметр — два метра сорок пять сантиметров, вес — две тонны. Только отливка его требовала незаурядного мастерства. Тонко чувствуя форму и металл, мастера украсили казан тремя поясами с растительным орнаментом и затейливой арабской вязью. Десяти ручкам придана изящная форма лепестков лотоса. Для тюрков казан — символ единения и гостеприимства, в нем готовилось угощение для местных дервишей и других гостей.

В 1509 году Ясы посетил известный ученый и поэт Ибн Рузбихан, а затем в своем замечательном труде «*Михман-наме-йи Бухара*» — «Записки бухарского гостя» он восторженно писал: «Что касается здания гробницы его святейшества ходжи, да осветит Аллах его душу, то оно — одно из самых достопримечательных строений в мире и удивительных творений сынов человеческих».

Рядом с могилой Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане покоятся многие ханы и ханши из рода Шибана, сына Джучи, сына Чингиз-хана. Здесь же похоронены и казахские ханы: в 1628 году — Ишим, в 1652 году — Джахангир, вероятно, и Тауке — между 1715—1718 годами, в 1780 году — Аблай, а также и другие властелины Казахской степи.





ОРГАНИЗАЦИЯ  
ВОЙСКА ТИМУРА

Эпоха, которая описывается на страницах этой книги, определяла положение каждого государя среди других степенью его фактического могущества и характером его правления. Чтобы царствование было долгим, а государство обширным, наставлял Тимур своих приближенных, государю нужно держать в руках свою саблю с достоинством. Потому вполне понятно стремление Тимура к созданию преданного ему корпуса военачальников и мощной военной силы.

Как уже говорилось, новую элиту в несколько сотен человек составили ближайшие сподвижники Тимура и члены его семьи. Постепенно эмир заменил этими людьми прежнюю племенную аристократию, отстранив ее таким образом от реальной власти. Одновременно создавались отряды войск специального назначения под командованием ближайших сподвижников и родственников Тимура, таким был тумен *ханабаджаган-и хасс* — особый полк, состоявший из каучинов, подобно этому, составлялись и другие полки. Личную охрану Тимура осуществлял десяти тысячный отряд *тумен-и сансиз*, состоявший, по словам Гийаса ад-Дина Али, «из невольников, купленных за золото».

В годы полновластия Тимура не менее девяти туменов возглавляли его сыновья и родичи, а тринадцатью туменами и дюжиной более мелких воинских подразделений командовали его ближайшие сподвижники. Состав воинских контингентов Тимура был различен, но главной его опорой были все же тюркские кочевые племена Чагатайского улуса.

По Ибн Арабшаху, общее число воинов, внесенных в списки, доходило до восьмисот тысяч; согласно Шараф ад-Дину Али Йезди, поход на Китай был предпринят Тимуром с армией в двести тысяч человек.

Војско Тимура состояло почти исключительно из конницы, а его главная военная сила — из чагатаев, по своему внешнему виду более походивших на монголов, чем на мусульман. Чагатаи, подобно языческим монголам, носили косы. Вот как описывает Клавихо внешний вид одного из чагатаев-военачальников Тимура, с которым он общался в 1404 году по пути в Самарканд:

«Он был одет в платье из голубого сутими (шелковая китайская ткань) с золотым шитьем, а на голове носил высокий колпак, отделанный жемчугом и драгоценными камнями. Верх колпака имел золотое навершие, с которого спускались две косы из красных волос, сплетенных в три пряди, ниспадавших сзади и достигающих до плеч. Эти волосы, так сплетенные, и есть знак отличия воинов Тимур бека».

О чагатаях и их особом положении в государстве Тимура Клавихо говорит несколько раз. Вот еще отрывок из «Дневника» Клавихо:

«А эти чакатаи пользуются особыми льготами от царя: они могут ходить со своими стадами везде, где хотят, пасти их и сеять и жить, где





вздумается, как летом, так и зимой. Они свободны и не платят подати сеньору (государю), так как служат ему на войне, когда их позовет. И не думайте, что они где-нибудь оставляют своих жен, детей и стада, — все, что у них есть, они берут с собой, когда идут на войну или переходят с места на место».

Ибн Арабшах утверждает, что в войске Тимура, значит, среди чагатаев, были идолопоклонники, носившие при себе идолов. Да и сам Тимур, как отмечал В. В. Бартольд, был прежде всего воином и военачальником монгольского типа, потом уже мусульманином. В этой связи кстати сказать, что мусульманские богословские авторитеты того времени, не принадлежавшие к числу его подданных, обвиняли Тимура в том, что он *то*ре Чингиз-хана и обычное право кочевников ставит выше *шариата* — духовного мусульманского права. На этом основании сирийскими теологами была издана *фетва* (богословско-правовое заключение, сделанное для разъяснения и применения какого-либо предписания шариата), по которой Тимур и его чагатаи не признавались мусульманами. И хорезмийцы не признавали Тимура и его подданных чагатаев мусульманами. В 1372 году послу Тимура, прибывшему в Хорезм (Нижняя Амударья), его правитель Хусейн Суфи ответил: «Ваше царство — область войны (*дар ал-харб*), и долг мусульман — сражаться с вами».

Когда род барласов, из которого происходил Тимур, принял ислам, точно не известно. Но известно, что первым из потомков Чагатая, принявшим ислам, был правнук Чагатая Мубарек, провозглашенный главой Чагатайского улуса в марте 1266 года на берегу Ангрена — в Мавераннахре. Но его правление длилось недолго: в том же 1266 году престол у него отнял другой чагатайский царевич — Барак, двоюродный брат Мубарека, и провозгласил себя ханом в Узгенде. Зимой 1270—1271 года в Ташкенте Барак принял ислам, но вскоре умер. После него почти шестьдесят лет Чагатайским улусом правили ханы-язычники. Только хан Тармаширин, который правил с 1328 по 1334 год, принял ислам, мусульманское имя Султан Ала-ад-Дин и объявил ислам государственной религией страны. Можно предположить, что именно в то время, совсем незадолго до рождения Тимура в 1336 году, приняли ислам и барласы.

Тимур с большим уважением относился к религии, чтит ее представителей, благодаря беседам с учеными хорошо усвоил подробности мусульманского вероучения и даже принимал участие в богословских диспутах. По Гийас ад-Дину Али и Йезди, он не признавал астрологию и предпочитал гадать по Корану.

Однако ислам, в котором еще с раннего периода его истории прослеживаются два основных направления — *суннитское* и *шиитское*, был для Тимура чаще орудием для достижения политических целей. Осно-

вываясь на известиях тимуридских и других мусульманских источников, В. В. Бартольд в 1912 году в известной работе «Халиф и султан» писал: «Тимур называл себя не только наследником державных прав монгольских ханов, но также мстителем за преступления против религии и восстановителем благочестия в завоеванных им странах. Жители шиитских областей наказывались им за оскорбление памяти спутников пророка, жители Дамаска — за преступления их предков против Али и его сыновей. Как восстановитель благочестия Тимур был в глазах своих приверженцев «убежищем халифата», то есть халифом».

Специалисты относят Тимура к числу выдающихся полководцев прошлого. Его военное дарование, которое признавали и современники, раскрылось и в умении организовать войско, и в умении возглавить его в качестве полководца.

О войске Тимура и о военном искусстве его самого самые обширные сведения оставили Йезди и Ибн Арабшах. Эти сведения заставляют полагать, что в государстве Тимура порядки монгольских времен продолжали действовать почти без перемен в делах управления, и особенно в организации войска.

Тимуровское войско было ополчением, состояло исключительно из конницы и строилось по десятичной системе — делилось на *тумены* (десять тысяч), тысячи, сотни и десятки. Эти воинские части представляли подразделения кочевых племен: «тысячи» барласов, джалаириков, сулдузов и других племен. Во главе подразделений стояли эмиры (беки) туменов, тысяцкие, сотники, десятские. К этой массе воинов-кочевников присоединялась пехота — ополчения оседлых как местных, так и вассалов. Пехоту использовали для осады крепостей.

Абд ар-Раззак Самарканди, тимуридский историк XV века, оставил ценные сведения о войске Тимура: каждый воин ополчения должен был взять с собой провианта на год, четыре вида оружия, лук, тридцать стрел, колчан, налучье и щит. Каждая пара воинов-конников должна была иметь третью, запасную лошадь, каждые десять человек — одну палатку, два заступа, одну мотыгу, один серп, один топор, одно шило, сто иголок, полманна (*манн* по большому весу Самарканда равнялся 20 килограммам, а *манн-и таки* — «тюбетеечный манн» Бухары равнялся 4,32 килограмма) амбарного веса веревок, одну крепкую шкуру, один котел.

Приказы собираться для похода передавались через глашатаев — *таваджиев*, так называлась должность «высшего уполномоченного двора по вербовке и инспекции войск». При передаче приказа государя с военачальников брали расписку, которая называлась *мучалга*. В походе и во время боя соблюдался строгий порядок: эмир каждого подразделения и каждый отдельный воин хорошо знали свое место и











строго его придерживались, это место в боевом строю и во время битвы обозначалось особым термином — *мурчал*.

В тимуровском войске хорошо и слаженно работала разведка — *хабаргири*. Тимур собирал все сведения о противнике заранее, всегда был в курсе дел страны, на которую собирался выступить, и в случае необходимости использовал свои знания. Особое место в войске занимали проводники — *качарчи*, которых Тимур сам распределял между отдельными частями войска в начале военных действий. С большим искусством Тимур использовал способности людей, их возможности, развитие которых предопределялось условиями жизни. Так, о *бекринах* (*мекрины*) — горном племени неизвестного происхождения — Шами писал: «...заберутся в любое место, куда только серна может забраться». И *бекрины* часто привлекались, если приходилось воевать в горной стране.

Тимур не только хранил монгольские традиции военного искусства, но выступал и новатором. Ибн Арабшах отмечает, что по задумке Тимура его воины носили особые головные уборы, по которым они могли узнавать друг друга; для отдельных отрядов он определял разные места сбора, откуда в условленное время они начинали двигаться в тот или иной район будущих военных действий. Благодаря этой военной хитрости появление Тимура с огромным войском часто оказывалось совершенно неожиданным для противника. В 1391 году в битве с Токтамышем, ханом Золотой Орды, в долине реки Кундурча (ныне Самарская область) Тимур впервые ввел членение войска на семь кулов — корпусов, о котором, по словам Иезди, «раньше никто не слышал».

В эпоху Тимура в Передней и Средней Азии впервые появилось огнестрельное оружие, это был *раданос* — «громобросающее» орудие, напоминающее примитивную пушку.

Кажется, нельзя с большей точностью обрисовать портрет Тимура и определить его роль в среднеазиатском сообществе, чем это сделал Шараф ад-Дин Али Иезди, который писал в «*Зафар-наме*», что Тимур был в одно и то же время бичом своих врагов, идолом своих воинов и отцом своих народов.

И действительно, Тимур лично участвовал во всех крупных кампаниях, деля с воинами все тяготы походов, шел в бой напролом, попирая смерть. Иезди оставил сведения о битвах, в которых Тимур принимал личное участие, уже будучи верховным эмиром Мавераннахра. А в 1379 году, во время осады Ургенча, владетель Хорезма Юсуф Суфи послал Тимуру вызов на единоборство. Несмотря на свои увечья, Тимур принял вызов и прискакал ко рву крепости, но зачинщик, испугавшись, на бой не явился.

Тимур лично устраивал смотр войску и лично принимал парад и все воинские почести, воздававшиеся по монгольскому обычаю государю. Вот как описывается один из парадов войск в официальном источнике:

«Находясь на царски украшенной возвышенности, Тимур принимал парад шестисот войсковых соединений, которые проходили перед ним с ног до головы одетые в железное обмундирование, строгими рядами, размеренным шагом, со знаменами и музыкой, своего рода фанфарами; и с приближением к его стоянке, спешившись с коней, военачальники отделялись от своих частей и, подойдя к Тимуру, с поклоном произносили слова похвалы ему, выражая свою и подчиненных преданность его «святому» делу. Каждое воинское соединение имело свое специальное обмундирование, красное или белое, синее или оранжевое, а некоторые целиком в кольчуге, какой цвет обмундирования, таков и цвет всех оружий».

По источникам, Тимур перед предстоящим сражением сам производил осмотр местности и определял, «где наиболее подходящим будет место битвы и в каком пункте будет лучше остановиться для сражения». Собрав своих эмиров на военный совет, он сообщал им «руководящие правила и методы ведения войны с неприятелем» на равнине, в пересеченной местности, у большой реки, и говорил это так, что «если бы ты имел возможность слышать это, ты выслушал бы с величайшею для себя пользою». Он определял также, в каком месте каждый остановится на правом фланге и на левом фланге, в авангарде и в его личном отряде, «каким образом ехать вровень друг с другом, как отражать атаки врага», и отдавал множество других распоряжений.

Заслуживает быть отмеченным, что Тимур не держал своих подставных ханов Чингизидов взаперти в Самарканде, он брал с собой во время походов и Суюргатмыш-хана, который ханствовал в 1370—1388 годах, и Султан-Махмуд-хана. Кстати сказать, Султан-Махмуд-хан в 1402 году участвовал в битве при Анкаре и со своим отрядом взял в плен османского султана Баязида.





ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ  
ПОХОДЫ  
ТИМУРА

Напомню, что поводами для войн в то время могли служить нападение, оскорбление, на которые требовалось ответить мстью, или необходимость расширить территорию, ставшую недостаточной, они велись также ради порабощения и грабежа. Войны Тимура были в основном завоевательными и грабительскими.

Верховный эмир Мавераннахра совершил великое множество походов, источники сохранили их названия: «*Поход Тимура на Хорезм в третий раз*» (1376), «*Четвертый поход Тимура против Джете*» (1376), а в названиях походов в страны Ближнего и Среднего Востока содержатся сведения об их длительности: «трехлетний» — *йуриш-и сесала* (1386—1388); «пятилетний» — *йуриш-и панджсала* (1392—1396); «семилетний» — *йуриш-и хафтсала* (1399—1404) был самым продолжительным походом Тимура, увенчавшимся победой над египетским султаном и османским султаном Баязидом.

Как и Чингиз-хан, Тимур мечтал завоевать мир, и многое сумел сделать. Его огромное войско, сметая все на своем пути, доходило на северо-востоке до Иртыша, на юго-востоке — до Дели, на северо-западе — до Ельца на Рязанской земле, на западе — до границ Египта. Но присоединены к Мавераннахру были только Прикаспийские области, Персия, Афганистан и Месопотамия. Другие же регионы — страна Джете, Дешт-и Кипчак, Сирия, Индия и прочие — узнали на себе весь ужас опустошительных набегов Тимура.

В. В. Бартольд объяснял завоевательные устремления Тимура двумя причинами:

— чрезвычайно высокой оценкой своей роли как правителя. Сын Тарагая был по своей природе завоевателем, для властолюбия которого не существовало границ. Шараф ад-Дин Али Йезди приписывает Тимуру очень распространенное в истории изречение, что «все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей»;

— экономическими интересами. Для содержания многочисленной армии, а также для осуществления грандиозных построек в Средней Азии требовались средства, и немалые. Они добывались в завоевательных походах.

Очень показательна в этом отношении речь Тимура, произнесенная перед принцами и эмирами в 1399 году во время индийского похода и пересказанная Гийас ад-Дином Али:

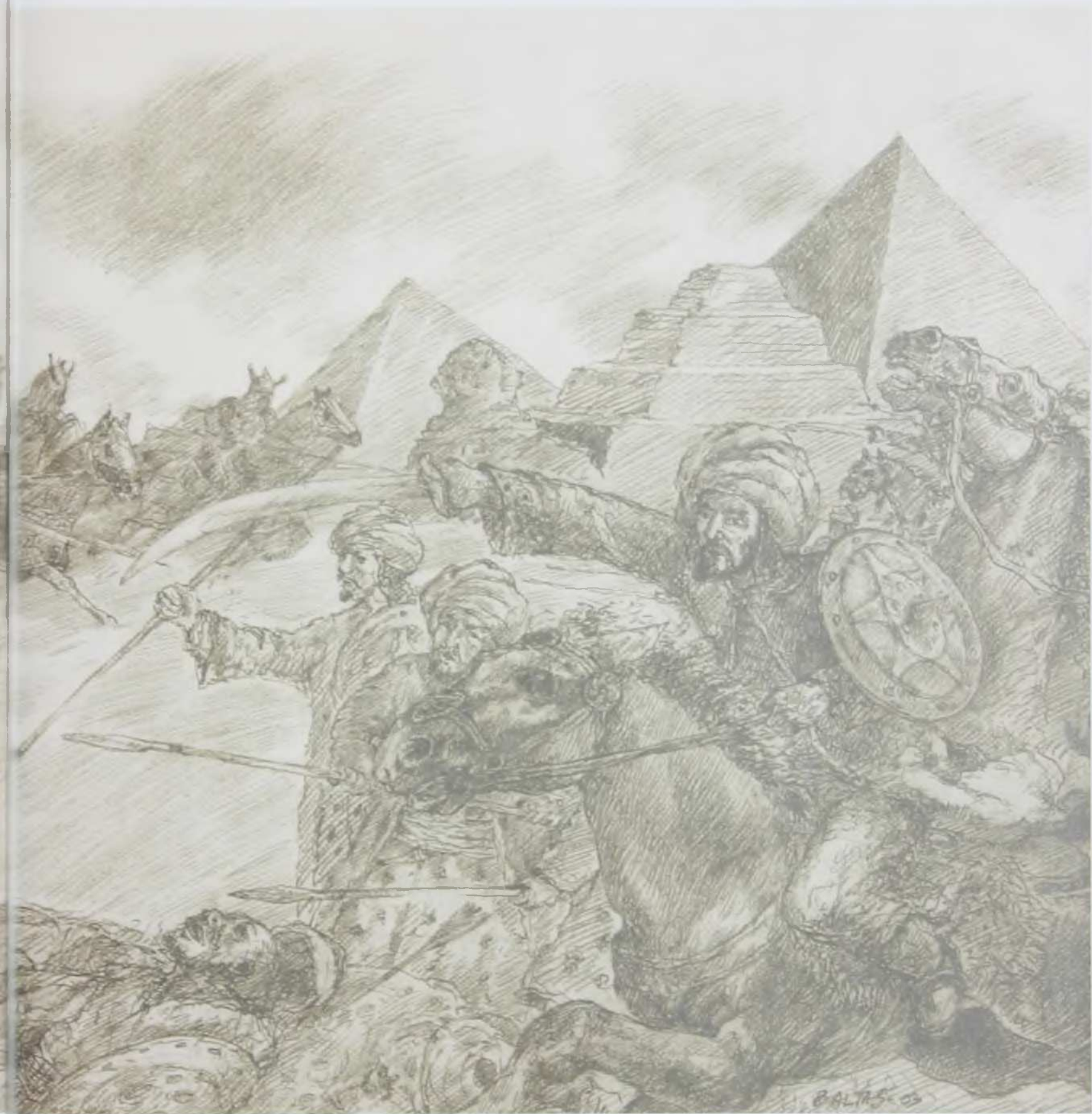
«Ведение священной войны несет двойную пользу: одна — прекрасное воздаяние за это в здешнем мире в виде славы, и другая — великая награда в будущей жизни, и притом польза, существующая в настоящем и осуществляемая получением добычи. Так что вы здесь имеете эти две пользы...».











BALAS











Свои войны Тимур вел с исключительной жестокостью. Его армия разрушила Ургенч, Сарай, Астрахань и многие другие города. Взятие городов часто сопровождалось массовыми казнями мирного населения. Источники оставили сведения о постройке башни из двух тысяч живых людей, прослоенных битым кирпичом и глиной, это произошло при взятии Исфизара, города в Афганистане; башни, сложенные в восставшем Исфагане, состояли из семидесяти тысяч голов; после взятия Сиваса в Малой Азии было погребено четыре тысячи живых людей; а победа в Алеппо была завершена пирамидами из голов, которые Тимур велел складывать так, чтобы лица мертвых смотрели на проходящих мимо живых.

Это действительно страшные картины.

В разрушительных действиях Тимура, в пирамидах из голов людей В. В. Бартольд усматривает «утонченное, болезненно извращенное зверство».

На это нечего возразить. Остается только напомнить, что не только войной жил Тимур, и его правление не сплошь окрашено насилием.

Мы знаем, что Тимур вдохновенно украшал великолепными постройками и садами свою столицу Самарканд, Кеш (Шахрисябз), Ясы и другие города Мавераннахра; заботился о восстановлении земледелия в заброшенных местах, о проведении новых каналов и реконструкции старых оросительных систем в Мавераннахре, Прикаспийских областях, Афганистане и других районах. По указанию Тимура в Западном Туркестане стали выращивать коноплю и лен — культуры, которые раньше не были известны здесь.

Часть замечательных построек Тимура сохранилась до наших дней, своей архитектурой и исполнением эти величественные сооружения поражают наших современников. Среди них отмечу мавзолеи в группе Шах-и Зинда, соборную мечеть, известную ныне под именем Биби-ханым, усыпальницу Гур-и Эмир, где похоронены Тимур и некоторые члены его династии.

И наконец несколько слов о том, как оценивали правление Тимура его современники. Гийас ад-Дин Али отмечает:

— до этого от злодеяний воров и разбойников страдали все области царства, ныне же в стране воцарилось спокойствие, и никто не опасается за свое добро и богатство;

— благодаря стараниям и усилиям добронравных и честных начальников провинций, купцы совершенно безопасно и спокойно приезжают во все города и уезжают;

— губительный «самум смут и восстаний сменился зефиром тишины и покоя»;

— от употребления спиртных напитков, разных запрещенных вещей, от разврата и безнравственности не осталось ни следа, ни признаков;

— великие и малые люди одинаково участвуют в исполнении того, что им полагается, для правосудия нет разницы между благородным и простолоудином.

И Гийас ад-Дин Али в «Дневнике похода Тимура в Индию», и Йезди в «Зафар-наме» приводят слова Тимура о создании им империи и обязанности правителя, сказанные им уже в конце жизни:

«...Сочувствие горю подчиненных есть обычай справедливых государей, а милость по отношению ко всем господним тварям — один из обычаев беспристрастных царей».

«...Бог оказал мне милость, дав возможность установить хорошие законы, теперь во всех владениях Ирана и Турана никто не смеет сделать что-либо дурное своему ближнему, знатные не смеют притеснять бедных, все это дает мне надежду, что Бог простит мне мои грехи, хотя их и много; я имею то утешение, что во время моего царствования я не позволял сильному обижать слабого, по крайней мере мне об этом не сообщали».

Как предсмертные слова Тимура, так и арабская надпись из пятидесяти одной строки на его надгробной плите содержат главную мысль — тяжело согрешивший человек в покаянии надеется на вечное милосердие.

В заключение главы напомним справедливые слова выдающегося русского востоковеда Василия Владимировича Бартольда, сказанные им по другому поводу: «Ни исторический народ, ни исторический деятель, — писал он, — не нуждаются в оправдании. Историк приходится брать ход истории таким, каким он был и каким он не мог бы быть, если бы не было людей, готовых проливать кровь ради достижения своих личных честолюбивых целей».

Если бы Тимур был другим, мы имели бы иную историю Туркестана, да и вообще Азии.





ДЕШТ-И  
КИПЧАКСКИЙ  
ПОХОД ТИМУРА  
И ОТКРЫТИЕ  
КАНЫША САТПАЕВА

Одинаковых судеб не бывает. Каждому отмерены свои годы и свои версты. Но бывает, что судьбы людей, живших даже в разных эпохах, пересекаются. Ход истории привел к тому, что спустя пятьсот с лишним лет линия судьбы эмира Тимура, умершего в 1405 году, пересеклась с линией судьбы молодого советского геолога Каныша Сатпаева. Оправдалась поговорка «*Letum non omnia finit*» — «Смерть — еще не конец».

Каныш Имантаевич Сатпаев родился 11 апреля 1899 года в ауле бывшей Аккелинской волости, ныне Павлодарская область Республики Казахстан. После окончания Томского технологического института в 1926 году работал в Атбасарском тресте цветных металлов; с 1929 года как геолог Карсакапайского треста проводил исследования Джезказганского меднорудного месторождения. С 1941 по 1964 год был директором Института геологических наук АН КазССР; 1946—1952, 1955—1964 годы — президент Академии наук КазССР. Умер 31 января 1964 года, похоронен в Алматы.

Вернемся однако в XIV столетие и начнем изложение темы с ее начала.

В 60—70-х годах XIV века в Золотой Орде — Улусе Джучи — начинается полоса смут и дворцовых переворотов: в 60-е годы в столице Золотоордынского государства Сарае возводится на престол до четырех ханов в год. По крови отцов и братьев шли к золотоордынскому трону. На территории Улуса Джучи возникает ряд независимых владений, во главе которых стоят правители, властвующие одновременно с ханом, сидящим в Сарае.

От Золотой Орды отделились и султаны Восточного Дешт-и Кипчака. В 1368 году возглавил султанов левого крыла (Восточной Орды) потомок Орда-Ичена (Эджена), старшего сына Джучи, Урус-хан (мусульманское имя — Мухаммад). Он поставил себе задачу объединить распадающийся Улус Джучи в одно могущественное целое Золотоордынское государство и возглавить его. На курултае знати он объявил «столпам державы и вельможам двора» о своих намерениях и, получив их одобрение, выступил в поход. В 776 году хиджры/1374—1375 Урус-хан овладел Сараем, но пребывание его в столице Золотой Орды было непродолжительным.

В источниках не сообщается, почему Урус-хан оставил золотоордынское Поволжье. Так или иначе, в 777 году хиджры/1375—1376 Урус-хан возвратился в свою столицу город Сыгнак, располагавшийся на правобережье Сырдарьи к северо-западу от города Ясы.

Пока Урус-хан был занят политикой объединения Джучиева Улуса, в самой Восточной Орде у него оказался соперник в лице молодого царевича Токтамыша.







У Токтамыша,  
могущественного  
владетеля  
Золотой Орды,  
уже были силы  
противостоять  
войску Тимура.

Токтамыш — сын Туй-Ходжа-оглана, потомка Тукай-Тимура, тринадцатого сына Джучи — был правителем Мангышлака. Когда Урус-хан собрался в поход на Сарай, Туй-Ходжа-оглан оказал неповиновение главе царевичей левого крыла и в поход не выступил, за что был казнен — Урус-хан отличался, по словам Натанзи, «решительным и твердым характером». Молодой царевич Токтамыш, имея все основания опасаться за свою жизнь после гибели отца, несколько раз пытался бежать из орды, но снова возвращался туда. Он был молод, еще не достиг совершеннолетия, говорится в источнике, и ему все прощали. Однако весной 1376 года Токтамышу все же удалось бежать и укрыться у Тимура.

В начале 1377 года умер Урус-хан. В 1378 году Токтамыш при поддержке эмира Тимура разгромил войско сына Урус-хана Тимур-Малика и был возведен на ханский престол в Сыгнаке.

И опять при поддержке эмира Тимура Токтамыш начинает войну с претендентами на золотоордынский престол. Завладев столицей Золотой Орды, вскоре он сумел объединить все владения Джучидов и восстановить в стране сильную ханскую власть.

Но замыслы могущественного властелина огромной державы простирались дальше. У него уже были силы, чтобы противостоять войску Тимура. И Токтамыш стал совершать набеги на подвластные эмиру территории на Кавказе и в Туркестане. В 781 году хиджры/1387—1388, когда Тимур вел войну на юге Ирана, Токтамыш вторгся даже в Мавераннахр и подверг грабежу районы Среднеазиатского междуречья вплоть до Амударьи.

Тогда Тимур принял решение ответить на дерзость Токтамыша, своего ставленника. Собрав войско, он выступил из Самарканда с намерением совершить поход на Дешт-и Кипчак. Зимой с 1390 на 1391 год Тимур провел «в местности Ташкент», а 22 января 1391 года ускоренным маршем отправился в Дешт-и Кипчак. В конце февраля 1391 года огромное войско прошло Ясы, Сауран и вышло в степь к центру современного Казахстана. В начале апреля войско прибыло в местность Сары-Узен (ныне Сарысу), здесь было много воды, а люди и животные в ней нуждались. После непродолжительной передышки войско Тимура переправилось через реку.

26 апреля войска прибыли в «Кичик-Даг», выступили оттуда и через две ночи, в пятницу, 28 апреля 1391 года достигли «Улу-Дага».

«Тимур, — пишет Шами, — взшел на вершину горы, осмотрел местность, это была степь, и в степи — пустыня. Он остановился там на тот день и приказал, чтобы все воины принесли камни и возвели там высокий знак. Каменотесам он приказал изобразить на нем высочайшее имя и дату этих дней, дабы на лице времени осталось воспоминание об этом походе».



Поставив памятник с надписью, Тимур двинулся дальше, в Поволжье. 18 июня 1391 года в местности Кундурча, в долине речки с таким же названием, что была притоком Черемшана (ныне Самарская область), произошла великая битва двух враждующих сторон. Сражение закончилось полным поражением Токтамышша.

Небывало богатой была в этот раз добыча Тимура. Его путь назад, в Самарканд, проходил через Яик, Сауран, Отрар. По словам Иезди, весь дештикипчакский поход 1391 года продолжался одиннадцать месяцев.

Жарким летом 1931 года молодой геолог Карсакпайского горного треста Каныш Сатпаев вел разведку на правом берегу Сарысу близ невысоких и разрушенных гор Улытау, в Центральном Казахстане. Шел всего пятый год, как он закончил Томский технологический институт, и вот первая ответственная работа: разведка богатейшего Джекказганского меднорудного месторождения — работа, которая через несколько лет прославила Каныша Сатпаева, сделала его академиком и одним из крупнейших геологов Советского Союза.

Во время одного из ежедневных маршрутов обратила на себя внимание полуразрушенная каменная насыпь (курган). На природное образование это не было похоже. Среди множества каменных обломков геолог увидел большой камень, наполовину вросший в землю. Солнце уже клонилось к закату, и косые лучи внезапно высветили знаки какого-то орнамента на одной из сторон камня. Приглядевшись внимательно, Каныш увидел знакомое ему арабское письмо. Такие камни с надписями нередки на старых казахских кладбищах. Камень очистили, он оказался величиной примерно с детский письменный стол. Кроме надписи арабским письмом на нем обнаружили несколько строк, начертанных иным, незнакомым курсивом — такого письма казахи не знали.

Почувствовав, что он обнаружил нечто более значительное, чем кладбищенский кайрак, Каныш решил отправить камень вместе с грузом геологических образцов в Алма-Ату. Прошло немного времени, и заинтересовавший Сатпаева камень оказался в Ленинграде в Государственном Эрмитаже, в одном из центров советского востоковедения, где хранится и поныне.

Прошло однако девять лет, прежде чем появилась в печати первая расшифровка надписи с камня, найденного Канышем Сатпаевым, получившей название «Карсакпайская надпись». Известный монголовед и тюрколог Николай Николаевич Поппе установил, что надпись в арабском начертании содержит текст на арабском языке, вторая же надпись — уйгурским курсивом — оказалась тюркской.

Арабская надпись содержала традиционные коранические формулы. Гораздо интереснее был тюркский текст. Его расшифровка подтверди-

ла вышеприведенные слова Низам ад-Дина Шами об оставленном Тимуром памятнике в районе «Улу-Дага» — Улытау.

Поправки к предварительному прочтению надписи на камне Тимура были сделаны ленинградским тюркологом А. И. Пономаревым в 1945 году.

Вот что гласит надпись на «Камне Тимура»:

«В лето семьсот девяносто третьье (1391), в год Овцы, в средний весенний месяц султан Турана Тимур бег шел с двумястами тысяч войска, имени своего ради, против хана Булгарии Токтамыш хана. Достигнув этой местности, он воздвиг этот курган, дабы он был знаком. Бог да окажет правосудие! Если Богу будет угодно! Бог да окажет милосердие людям! Да вспомнит о нас с благословением!»

Так, камень с надписью, поставленный воинами Тимура 28 апреля 1391 года у подножья Улытауских гор, был случайно обнаружен и впервые расшифрован в 30-х годах XX столетия советскими учеными, людьми совсем другой эпохи и другой цивилизации.

История — это встреча в веках, встреча с прошлым; и эта встреча может быть загодя запланированной и ожидаемой или случайной и неожиданной, как в изложенном выше рассказе.







ТИМУР,  
БАЯЗИД  
И ВОЙНА

Война, большая и малая, — обычное несчастье людей. История войн столь же продолжительна, сколь продолжительна история рода человеческого. И эта история свидетельствует, что война вспыхивала по любому ничтожному поводу и, бывало, длилась годами и десятилетиями, сея кругом смерть и насилие, принося повсюду разорение и горе, умножая число погибших, увеличивая число вдов, сирот и калек.

Всякий конфликт с внешним миром устранялся тогда на поле брани, в пекле сражения, и военное искусство, а также личная отвага ценились больше всего. Каждый могущественный и воинственный государь задавался целью создать империю без границ. И войны добывали победу, возвышали авторитет военачальника, усиливали власть государя. Одним из таких государей был эмир Тимур. Ему, как уже говорилось, приписывается очень распространенное в истории изречение, что весь мир не стоит того, чтобы в нем было два царя.

Такого же чрезвычайно высокого мнения о царской власти и своем земном предназначении был и османский султан-завоеватель Баязид I, сын султана Мурада I (правил в 1359—1389) и его жены Гуль-Чичек-хатун. Баязид родился в 1354 году и по праву рождения приобрел все привилегии царствующего дома Османов. Он знал наперед, что наверняка займет место своего отца как старший сын правящего султана. Его ожидания и грезы воплотились в действительность в 1389 году, но при совершенно трагических для дома Османов обстоятельствах.

В июне 1389 года Мурад I во главе большого войска вторгся в Сербию. 15 июня 1389 года на Косовом поле — равнине, находившейся на границе Боснии, Сербии и Албании и называвшейся еще *Дроздовой долиной*, — произошло кровопролитное сражение. Сербы и боснийцы оказали упорное сопротивление турецким войскам, но потерпели поражение и были разгромлены. Сербский князь Лазар был ранен и попал в плен, а затем казнен. Но пал от руки сербского патриота и султан Мурад I. А произошло это так.

Ранним утром 15 июня, когда султан Мурад, готовясь к сражению, сотворил молитву и одевался, в его шатер был доставлен серб по имени Милош. Перебежчик клялся, что у него имеются важные сведения о расположении противостоявшей туркам армии, которые он может сообщить только лично султану. Милошу было позволено приблизиться, но он неожиданно выхватил кинжал и вонзил его прямо в пупок (*губек*) султану. Серб был тут же зарублен. О случившемся доложили старшему сыну Мурада Баязиду, и тот незамедлительно прибыл к месту расположения войск и принял командование армией на себя. К исходу дня султан Мурад I скончался, и Баязид был провозглашен новым падишахом.



Он тут же отдал приказ задушить своего младшего брата Якуба Челеби, дабы избежать возможной борьбы за престол, и отправить гроб с телом отца в Брусу для захоронения.

Баязид I был жестоким и воинственным султаном. В короткий срок он подчинил своей власти бейлики Западной и Центральной Анатолии (Малая Азия) и в 1396 году к своим владениям на востоке прибавил Сивас.

Значительны были завоевания Баязида и на европейском континенте. В сентябре 1396 года у Никополя, на правом берегу Дуная, Баязид I разгромил объединенное войско крестоносцев. В 1397 году войска Баязида вторглись в Атику и Пелопоннес, а к 1400 году, подчинив себе основную часть Балкан, он блокировал Константинополь.

За свои стремительные военные операции на огромном евразийском пространстве Баязид I получил прозвище *Иылдырым* (Молния).

Итак, ее величество История выдвинула на тогдашнее евразийское пространство одновременно двух честолюбивейших завоевателей — эмира Тимура из Средней Азии и султана Баязида из Малой Азии. Они непременно должны были столкнуться. Тем более что на письмо Тимура к Баязиду с рядом требований султан ответил дерзким и подкрепленным угрозами посланием. В частности заявлялось, что он, Баязид, государь такой степени фактического могущества, что волен делать все что ему вздумается здесь ли, в Малой Азии, или где-либо еще в целом мире. А этот Аксак-Тимур, до какой же высокой степени можно быть безумным, отважился написать, что ему, Баязиду, делать, а чего не делать. И поэтому он не желает оставлять безнаказанным безумный поступок Тимура и обещает, что непременно найдет его где бы то ни было, что он не уйдет от него, а будет взят в плен, и он назло Тимуру клянется взять себе в гарем его старшую жену после победы над ним.

Баязиду не пришлось искать. Тимур сам прибыл с войском в Малую Азию, и они сошлись друг с другом в решающей битве под Анкарой. Точная дата сражения не известна, судя по всему, битва двух выдающихся тюркских полководцев произошла в последние дни июля 1402 года. Это было, пожалуй, самое крупное сражение того времени: с обеих сторон действовали армии численностью до двухсот тысяч воинов каждая.

Вопреки громким заявлениям Баязида, побоище закончилось полным поражением османского султана и его пленением. Оправдалась поговорка, которую цитирует знаменитый османский путешественник XVII века Эвлия Челеби: «Раб Божий предполагает, а Бог располагает».

На другой день после пленения Баязид был доставлен в ставку Тимура. Согласно «Зафар-наме» Шами и «Зафар-наме» Йезди, с Баязида



«Если бы ты на примере других поостерегся, то это было бы лучше, чем теперь другие остерегаются на твоём примере».



сняли оковы и «великодушно допустили к целованию ковра»; Тимур посадил Баязида на ковре рядом с собой, угостил достойной трапезой и старался утешить султана в его несчастье.

В этом мире все предопределено, говорил Тимур; исход битвы у Анкары также был заранее предопределен «благодаря воздействию Неба и предназначению Бога». Но ты пренебрег моими предостережениями, упрекал эмир поверженного султана, намекая на содержание своих писем к Баязиду и на его грубый ответ. «Если бы ты принял эти разумения в соображение, — продолжал Тимур, — и на примере других поостерегся, то это было бы лучше, чем теперь другие остерегаются на твоём примере».

На этот упрек Баязид смиренно ответил персидским полустихием (*мисра*):

«Вот тот, кто поступил дурно и не внял наперед (советам)».

В другой раз в беседе двух государей была затронута суфийская мысль о призрачности земного величия. И будто бы Тимур, согласно османским источникам, глядя на болезненные движения султана — Баязид страдал от подагры, — задумчиво произнес:

«Неисповедимы пути Господни! Я — хромой калека, ты — в параличе (*бир аксак бен ве бир котюрюм сен*), и мне, хромцу, Всевышний Бог доверил владычество над миром от Индии до Сиваса, а тебе — паралитику — от Сиваса до Венгрии! Видно, в очах Божьих владычество над миром есть ничто».

В течение всего похода Тимур возил по Малой Азии своего пленника. Об условиях содержания Баязида в ставке Тимура в источниках содержатся противоречивые сведения.

Немецкий рыцарь из Мюнхена И. Шильтбергер, находившийся на службе у османского султана Баязида и в той битве тоже попавший в плен к Тимуру, а затем состоявший на службе уже у Тимура, достаточно подробно описывает ход сражения под Анкарой и обстоятельства пленения Баязида. Зато он не сообщает никаких подробностей о пребывании Баязида в плену у Тимура, ограничиваясь лишь констатацией того, что Тимур пробыл в Малой Азии восемь месяцев, за это время он овладел столицей и всем государством Баязида, причем все это время повсюду возил с собою своего знатного пленника. Наконец Тимур пожелал увезти Баязида в свою страну, но «султан скончался в пути».

Ибн Арабшах и другие арабские авторы оставили сведения о том, что Баязид много раз безуспешно пытался бежать из плена и поэтому был заперт Тимуром в клетку. По мнению некоторых исследователей, арабско-персидское слово *кафес*, употребленное в источнике, означало не только клетку, решетку, сетку, но также и носилки; поэтому сло-

ва Ибн Арабшаха предлагалось понимать и интерпретировать иначе — Баязид сидел не в железной клетке, а на «особого рода носилках». В этой связи обращает на себя особое внимание сообщение османского историка конца XV века Нешри о том, что Тимур приказал соорудить для Баязида «паланкин наподобие клетки», который везли между двух лошадей впереди самого Тимура, а на привалах устанавливали перед его шатром.

В тимуридских источниках сведений о железной клетке нет. По словам Шами, лишенный свободы Тимуром и загнанный до полной подавленности злым роком, Баязид вскоре после пленения занемог: его постигла тяжелая душевная болезнь. Усилия лекарей не привели к выздоровлению, и он скончался от своих душевных страданий. Иезди называет дату и место этого печального события — 9 марта 1403 года под Акшехиром. По другим источникам, Баязид отравился, узнав, что Тимур задумал взять его с собой в Самарканд.

Таким драматичным, даже трагедийным был закат жизни османского султана Баязида Йылдырыма. Понятны боль и скорбь гордого и некогда могущественного падишаха. Но ему была уготована именно такая судьба.

Тимур же, покинув разоренную Малую Азию, направился на Кавказ, и с присущим ему упорством продолжил войну там, в стране «сказочных гор». Пройдя огнем и мечом по землям абхазцев, грузин и армян, в середине лета 1404 года Тимур, наконец-то, добрался до своей столицы — Самарканда. Закончилась *йуриш-и хафтсала* — «семилетняя кампания».

Но спустя лишь несколько месяцев, в ноябре того же 1404 года, Тимур с двухсоттысячной армией выступил в новый поход, на этот раз — на Китай. Война стала образом жизни Тимура. Победоносно закончив один поход, опираясь на огромные людские резервы своего государства и добытые на войне средства, он начинал готовить следующий. При таком образе жизни следовало ожидать, что он найдет свой конец не в столице, а в воинском стане. И действительно, смерть настигла Тимура во время его похода на Китай.

Тимур-завоеватель умер. Но мир не приобрел покоя. Война осталась по-прежнему могучим средством устранения всяких конфликтов и внутри страны, и вне ее. И сегодня, в начале третьего тысячелетия от Рождества Христова, только реальная сила делает разрядку напряженности возможной; слабый навлекает на себя войну.

Неужто и вправду, война, большая и малая, — обычное несчастье людей?!





ПОСЛЕДНИЙ  
ПОХОД  
И СМЕРТЬ  
ТИМУРА

Неподвижность претила Тимуру, покой был не для него. В свои шестьдесят восемь лет он задумал поход на Китай и, выступив из Самарканда 27 ноября 1404 года, прибыл в присырдарьинский город-крепость Отрар, где заболел и умер в феврале 1405 года.

Тимур до последней минуты своей жизни сохранял ясность ума. Хафиз-и Абру, который, по его собственным словам, в последние годы жизни эмира «сопровождал Высочайшую орду и сам был свидетелем всех тех событий, о которых докладывает», приводит в своем сочинении следующий рассказ о смерти Тимура.

Болезнь Тимура изо дня в день прогрессировала, несмотря на усилия лекарей. Когда к нему собрались эмиры, Тимур поднял сначала один палец, потом два, сделал глазами знак окружающим и спросил их: «Что я хочу этим сказать?»

Некоторые из эмиров решились ответить: «Государь этим выражает, что осталось еще одно или два средства для выздоровления».

Тимур без всяких признаков досады, с полной покорностью воле Божьей пояснил, что смысл его движения был иной: «Не пройдет больше одного или двух дней, и меня среди вас уже не будет».

Врачи, призванные к одру больного и получившие приказ не скрывать правду, объявили, что правила врачебной науки подтверждают сказанное государем. Некоторые из присутствующих стали бранить врачей за слишком откровенные речи, но сам Тимур похвалил их.

Время совершило несколько кругов, и эмир Тимур Гурган перешел из сего мира в другой.

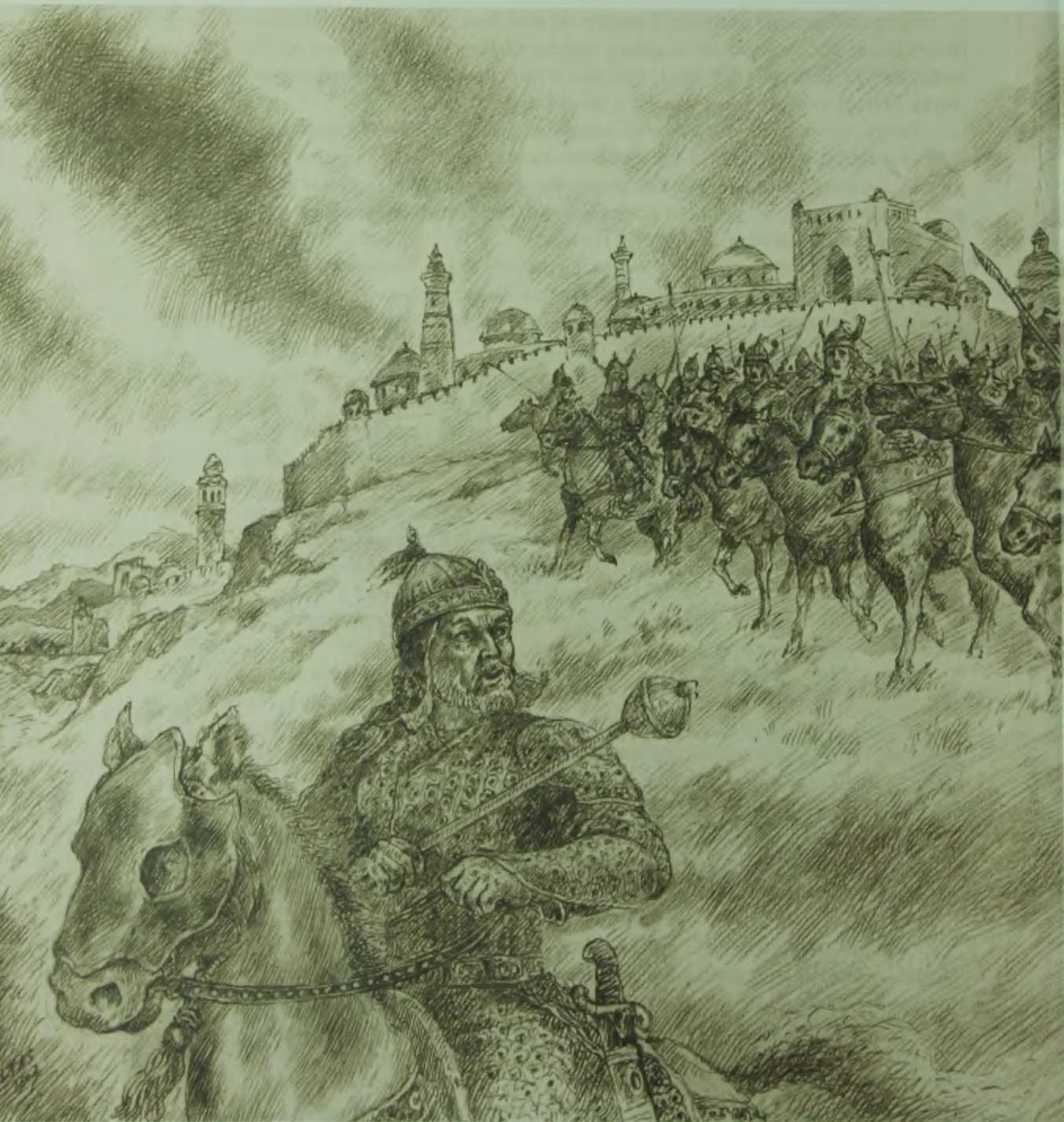
Как это ни парадоксально, в разных источниках приводятся разные даты смерти Тимура. У Хафиз-и Абру говорится только, что смерть Тимура произошла в половине месяца шабана, то есть в середине февраля 1405 года. Согласно Йезди и Ибн Арабшаху, смерть Тимура наступила 17 шабана 809 года хиджры (18 февраля 1405 года), а на нефритовом надгробии Тимура в мавзолее Гур-и Эмир написано, что он умер ночью 14 шабана (15 февраля); это же число как день смерти Тимура называет и Муин ад-Дин Натанзи. В научной литературе принята дата смерти Тимура, приводимая Йезди и Ибн Арабшахом, — 18 февраля 1405 года.

И в заключение об обстоятельствах последнего пути Тимура.

На экстренном совещании принцев и военачальников сразу после кончины Тимура было решено на некоторое время скрыть смерть правителя. Труп государя надушили благовониями, розовой водой, мускусом и камфарой; гроб с телом покойного поставили на носилки, украшенные драгоценными камнями и жемчугом, и темной ночью отправили из Отрара в Самарканд, поручив это важное дело эмиру Ходжа











Юсуфу. По словам Йезди, Ходжа Юсуф прибыл скорым маршем в Самарканд уже 23 февраля. В ту же ночь тело тайно было опущено в склеп, причем сопровождалось это только необходимыми религиозными обрядами.

Но все же о смерти Тимура стало известно, и после некоторых переговоров его жены были впущены в город и в ханак Мухаммад-Султана, где был погребен Тимур. Царевны и некоторые другие знатные женщины выполнили обычные у кочевников Центральной Азии обряды: обнажили головы и расцарапали и почернили лица; рвали на себе волосы, бросались на землю и посыпали головы прахом, накрывали шею войлоком.

18 марта 1405 года внук Тимура Халил-Султан занял Самарканд и вступил на престол. Два дня спустя молодой государь отправился в ханак Мухаммад-Султана, там были совершены еще раз печальные обряды, но с большей торжественностью. На этот раз в них принимали участие в черных траурных одеждах не только царицы, царевичи, вельможи и должностные лица, но все население Самарканда и пригородов и, конечно же, воины Тимура.

Для успокоения души Тимура читали Коран, раздавали милостыню. В заключение обряда с плачем принесли собственный барабан эмира, и его звуки сопровождали траурную церемонию, потом кожу его разрезали, чтобы он никому больше не служил.

По свидетельству Ибн Арабшаха, который в то время пребывал в Самарканде, могилу Тимура покрыли коврами, а сверху были положены его одежды; по стенам мавзолея были развешаны предметы его вооружения и личной утвари, украшенные драгоценными камнями и позолотой. На потолке, подобно звездам на небе, сияли золотые и серебряные люстры; пол покрыли шелковыми и бархатными коврами. К гробнице приставили за определенное жалование чтецов Корана и служителей, к медресе — привратников и сторожей.

В 1409 году, когда Халил-Султан был низложен и на престол вступил ревнитель ислама Шахрух, убранство мавзолея Тимура, как не соответствующее правилам ислама, было удалено; предметы одежды, утвари и вооружения переданы в казну, остались только приставленные к мавзолею чтецы Корана, сторожа и служители.

Что стало с одеждой, утварью и оружием Тимура в последующее время, сведений нет ни в тимуридских источниках, ни в источниках так называемого шейбанидского круга. Только в одном позднем источнике, а именно во втором томе «Алам-арай-ий Надири», по этому поводу содержится любопытное сообщение. Придворный историк Надир-шаха (правил в Иране в 1736—1747) Мухаммад-Казим, участвовавший в по-

ходе шаха в Среднюю Азию, сообщает, что в 1740 году в Бухаре среди подарков, преподнесенных Надиру, были сабля (*шамшир*) и железный нагрудник Тимура. Меч Тимура видел в 1903 году американский исследователь и путешественник А. В. Джексон в Дворцовом музее Тегерана, о чем он пишет в книге, опубликованной в 1906 году в Нью-Йорке.

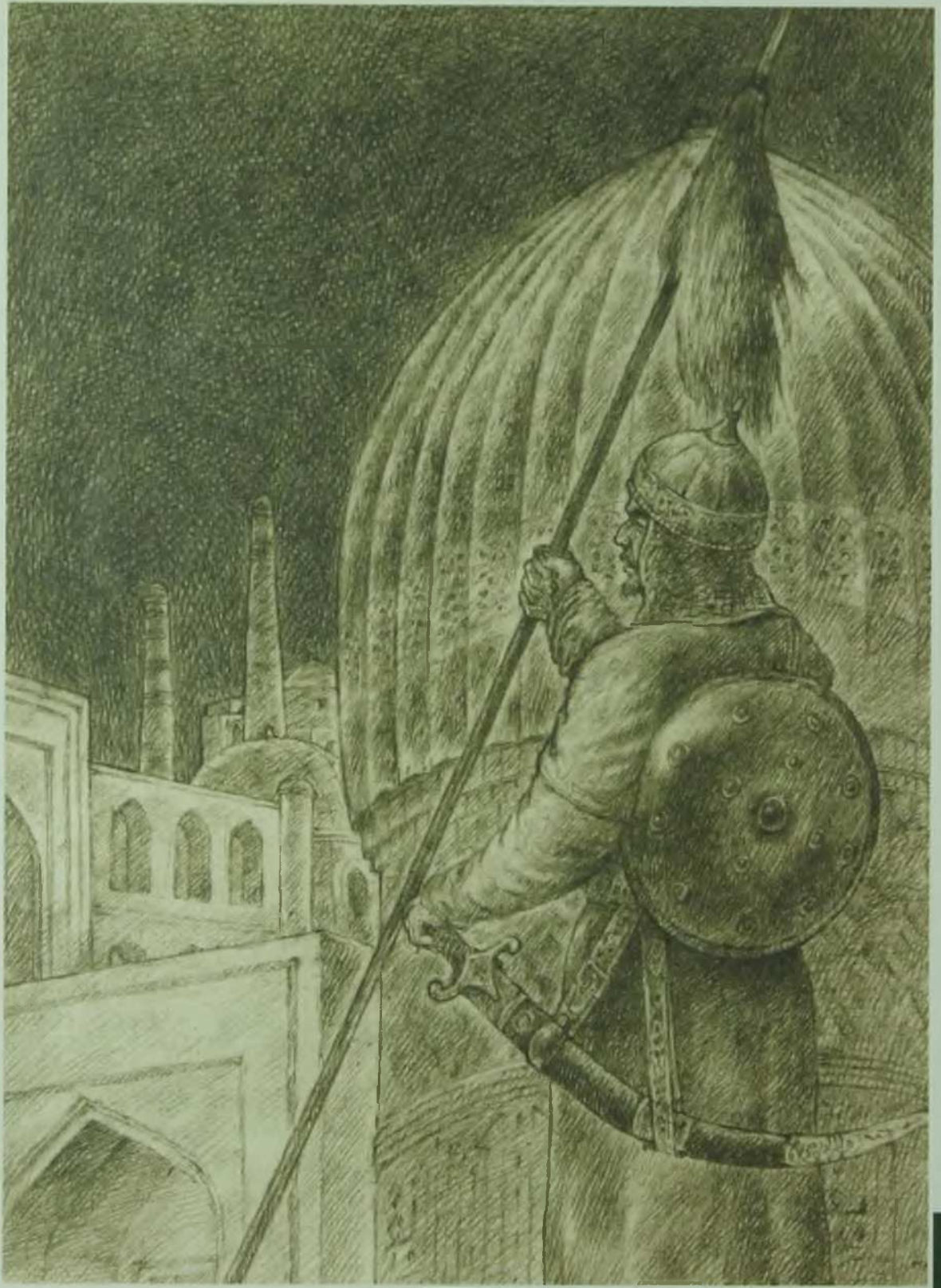
Однако вопрос о том, были ли подлинными эти предметы вооружения, остается открытым.

С 16 по 24 июня 1941 года в мавзолее Гур-и Эмир, усыпальнице династии Тимуридов, работала группа советских ученых при участии известного антрополога М. М. Герасимова. Экспедиция произвела вскрытие пяти захоронений: Тимура, его сыновей Шахруха и Мираншаха и внуков Мухаммад-Султана и Улугбека.

На основе полученных материалов М. М. Герасимов воссоздал скульптурные портреты этих исторических лиц и в 1947 году опубликовал статью «Портрет Тимура». Профессор А. А. Семенов впервые дал строго научное прочтение надписей на надгробиях Тимура и его потомков (журнал «Эпиграфика Востока», 1948—1949). Антрополог Л. В. Ошанин осуществил описание костных останков, погребенных в мавзолее Гур-и Эмир. Эта работа под названием «Антропологическое исследование скелетов Тимура и Тимуридов» была опубликована в 1964 году вместе со статьей археолога В. А. Шишкина «Гури Эмир», посвященной историко-археологическим итогам исследования погребений Тимура и его потомков.







ТЫ ПРАВИШЬ ТАМ, ГДЕ ПРАВИЛ ДРЕВНИЙ ДЖАМ.  
ЗЛАТОЙ ФИАЛ ИДЕТ ТВОИМ ПЕРСТАМ.

НО ТЫ НА ПЕРСТНЕ НАДПИСЬ НЕ ЗАБУДЬ,  
ЧТО «В СПРАВЕДЛИВОСТИ — К СПАСЕНЬЮ ПУТЬ»!

МОЛЯСЬ, АЯТ КОРАНА ПОВТОРЯЙ:  
«ПРАВИТЕЛЬ, СПРАВЕДЛИВО УПРАВЛЯЙ»!

ТЫ ПОМНИ, ЧТО СУДЬЯ В ТВОИХ ДЕЛАХ —  
САМ ВОЗВЕЛИЧИВШИЙ ТЕБЯ АЛЛАХ.

*Алишер Навои*

ТИМУРИДЫ





СУДЬБА  
ПОЛИТИЧЕСКОГО  
ЗАВЕЩАНИЯ  
ТИМУРА

Тимур еще при жизни назначил своим преемником внука Мухаммад-Султана, предпочтя его сыновьям. Но судьба распорядилась иначе. Во время военных действий в Малой Азии Мухаммад-Султан заболел и умер неподалеку от Карахисара весной 1403 года, двадцати девяти лет от роду. Тогда Тимур назначил своим преемником другого внука — Пир-Мухаммада, брата Мухаммад-Султана, и перед кончиной подтвердил свое политическое завещание.

Вот как описывает эту сцену Йезди в «Зафар-наме».

Напомню, что в феврале 1405 года Тимур с большой армией прибыл в Отрар (город на правом берегу Сырдарьи) и там заболел.

«Сила болезни и боли все время возрастали... Так как ум Тимура с начала до конца оставался здоровым, то Тимур, несмотря на сильные боли, не переставал справляться о состоянии и положении войска. Когда вследствие своей пронизательности он понял, что болезнь была сильнее лекарств, он мужественно приготовился к смерти, приказал явиться к нему женам и собственным эмирам и с чудесной предусмотрительностью сделал завещание и изложил свою волю в следующих словах:

— Я знаю наверное, что птица души улетит из клетки тела и что мое убежище находится у трона Бога, дающего и отнимающего жизнь, когда Он хочет, милости и милосердию которого я вас вручаю. Необходимо, чтобы вы не испускали ни криков, ни стонов о моей смерти, так как они ничему не послужат в этом случае. Кто когда-либо прогнал смерть криками? Вместо того чтобы разрывать ваши одежды и бегать подобно сумасшедшим, просите лучше Бога, чтобы Он оказал мне свое милосердие, произносите молитвы и прочтите фатиху, чтобы порадовать мою душу...

Теперь я требую, чтобы мой внук Пир-Мухаммад ибн Джахангир был моим наследником и преемником; он должен удерживать трон Самарканда под своей суверенной и независимой властью, чтобы он мог заботиться о гражданских и военных делах, а вы должны повиноваться ему и служить, жертвовать вашими жизнями для поддержания его власти, чтобы мир не пришел в беспорядок и чтобы мои труды стольких лет не пропали даром; если вы будете делать это единодушно, то никто не посмеет воспрепятствовать этому и помешать исполнению моей последней воли.

После этих наставлений он приказал явиться всем эмирам и вельможам и заставил их поклясться великою клятвой, что они исполнят его завещание и не допустят, чтобы было оказано этому какое-либо сопротивление; затем он приказал отсутствующим эмирам и военачальникам принести те же клятвы».







Он приказал  
явиться  
всем эмирам  
и вельможам  
и заставил их  
поклониться  
великою клятвой,  
что они исполнят  
его завещание.

Однако после смерти Тимура никто не признал Пир-Мухаммада государем. Его не поддержали даже военачальники, давшие Тимуру клятвенный обет свято чтить его последнюю волю. Захватил Самарканд и престол другой внук Тимура, Халил-Султан — сын Мираншаха и Севинбек Ханзаде, внуки золотоордынского хана Узбека (правил в 1313—1341).

Вот что рассказывает о том, что произошло дальше, Ибн Арабшах — очевидец событий тех лет.

Пир-Мухаммад повел из Кандагара в Самарканд войско, а также отправил нарочного к Халил-Султану и сановным вельможам столицы с посланием, в котором говорилось о том, что поскольку Пир-Мухаммад «назначен наследником и преемником своего деда Тимура, после его смерти трон по праву принадлежит ему, почему же его (трон) вырывают у него? И государство — это его государство, почему его (государство) у него крадут?».

Но Халил отверг притязания Пир-Мухаммада и ответил так:

«Это не столько вопрос о царской власти между нами сейчас, о ты, кто бы ты ни был, а о том — получена ли она по праву наследия или по праву овладения. Если первое, то существуют и другие, которым она принадлежит по большему праву, чем мне или тебе, а именно: мой отец Мираншах и мой дядя Шахрух, его брат; и в этом случае доля обоих будет равной, и тебе нечего будет им сказать. ...Но если речь идет об овладении, твои слова бесполезны, поскольку царская власть бесплодна, и еще до моего и твоего времени было сказано:

Снаряжай своих самых породистых коней и точи оружие,

Перепоясывай чресла, поскольку от этого зависит победа.

Ты хвастаешься, что твой дед назначил тебя преемником, своей волей определил тебя наследником престола. Но как он сам получил власть, если не путем военных побед, и как тебе достанется царство, если не путем вооруженного захвата. ...Верховная власть — цель охоты, в которой наиболее подходящим будет тот, кто, вырвавшись вперед, хватает добычу первым...».

Сторону Халила принял и Ходжа Абдулавал, который был первым среди правоведов и самым важным среди вельмож Мавераннахра. Он также отверг притязания Пир-Мухаммада, и его ответом были такие слова:

«Конечно, ты — законный наследник и преемник эмира Тимура. Но судьба неблагосклонна к тебе; если бы она не была таковой, ты оказался бы около столицы. В твоем положении самое лучшее — довольствоваться тем, чем ты владеешь, своим состоянием, пощадить свою лошадь и ноги, сохранить за собой ту часть государства, которую ты держишь.



Но если ты станешь добиваться большего и не будешь доволен тем, что Бог дал и предписал тебе, и если ты двинешься из своего владения на поле брани, ты наверняка попадешь в беду и потеряешь власть, которую имеешь, и ничего взамен не получишь».

Халил-Султан вступил в Самарканд 18 марта 1405 года и правил до весны 1409 года. За пределами Мавераннахра его власть не признавалась, да и на севере этой страны, на Сырдарье, ему постоянно приходилось бороться с мятежными военачальниками.

Зато при Халиле была совершена первая попытка перенести «право на ханство» из рода Чингиз-хана в род Тимура. Заняв в 1405 году столицу государства Самарканд, Халил провозгласил «ханом» Мухаммад-Джахангира, сына умершего Мухаммад-Султана — первого, кого назначил наследником Тимур. Однако весной 1409 года Халил-Султан был низложен Шахрухом, и вместе с владычеством Халила окончилось и «ханство» Тимурида Мухаммад-Джахангира. Халил-Султан отрекся от власти в Мавераннахре, ему был передан город Рей, и там он оставался до своей смерти.

По подсчетам современного американского исследователя профессора Джона Вудса (John Woods), общее число прямых потомков эмира Тимура достигало к концу его жизни почти ста человек. Однако, по замечанию академика В. В. Бартольда, Тимур не был так счастлив в своих сыновьях и внуках, как Чингиз-хан. Несмотря на то, что при Тимуре строго соблюдался династический принцип и жизнь членов его рода была неприкосновенной, не все во взаимоотношениях Тимура и его многочисленных потомков было гладко.

В долгой жизни эмира Тимура были не одни только победы и радости, но и неповиновение ему его детей, и мятеж принцев, и даже подлая измена внука Султан-Хусейна, который в самом конце 1400 года во время осады Дамаска перешел на сторону осажденных и сражался против своих. Каждый такой поступок потомков Тимура имел свою причину. Оказал неповиновение и Халил-Султан. Но в этом случае причиной стала любовь. Юная Шади-Мульк была из племени таких неотразимых красавиц, что глаз не отведешь. Да и двадцатилетний Халил (родился в 1384) был под стать ей. С юношеских лет прославивший себя боевыми подвигами, отличавшийся великодушием и благородством, Халил-Султан, по словам Клавиho, был рослым, белолицым юношей с очень обходительными манерами.

Словом, встретились два юных существа и горячо полюбили друг друга. И все было бы хорошо, по-персидски — хуб, если бы не одно важное в этом случае обстоятельство: Шади-Мульк, дочь кузнеца, была низкого происхождения. Тимур наложил запрет на их отношения.

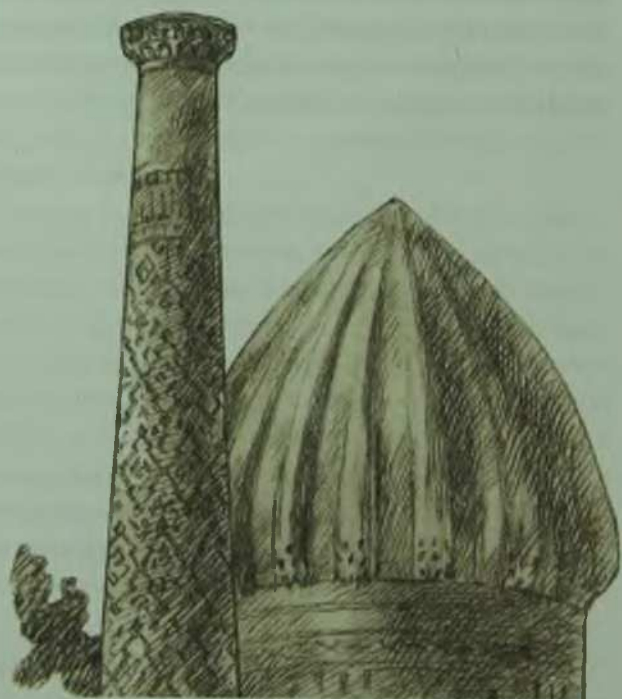
Но разве может запрет, даже государевый, погасить жар юношеской любви?! Принц был очарован, заморожен красавицей, готов был ради нее на любые безумства, даже послушаться своего деда, грозного эмира Тимура. Грозящее суровое наказание не страшило, и Халил в 1404 году самовольно женился на любимой девушке. Женидьба принца на женщине низкого происхождения вызвала гнев Тимура, но вскоре дед смиростивился и простил непокорного внука.

После смерти Тимура в 1405 году его сыновья и внуки повели междоусобную борьбу за верховную власть, и в конце концов, как мы уже знаем, царство досталось Халил-Султану. Молодой правитель был настолько влюблен в жену, что во время своих отлучек, а дела государства их требовали, он изливал тоску по красавице Шади-Мульк в персидских стихах. Но счастье длилось недолго. В 1409 году Халил был низложен, а в ноябре 1411 года внезапно скончался в возрасте двадцати семи лет. Шади-Мульк, не желая жить без любимого мужа, покончила с собой.

Об этой романтической и печальной истории любви принца из дома Тимуридов к простой девушке из народа говорится в ряде тимуридских источников, а также у арабского автора Ибн Арабшаха, который, еще в детстве оказавшись в плену, провел свою молодость при дворе Тимура и первых Тимуридов. Но подробнее всего о ней рассказывает Йезди в «Зафар-наме», официальной хронике истории Тимура, написанной на фарси и законченной в 1425 году.







ШАХРУХ

Шахрух — четвертый, младший сын Тимура, родился 21 августа 1377 года. В 1397 году отец поручил ему правление Хорасаном, Систаном и Мазандераном (область на южном берегу Каспийского моря). Местопребыванием правителя был город Герат.

В течение четырех лет, пока Халил правил Мавераннахром, Шахрух и его сторонники в Хорасане постоянно вели с ним борьбу, и не столько оружием, сколько средствами дипломатии и интриг. Этот способ борьбы оказался более действенным, чем война. 30 марта 1409 года, благодаря военной хитрости, Халил-Султан был взят в плен неподалеку от Самарканда. Тем временем Шахрух с войском выступил в сторону Мавераннахра и 13 мая вошел в Самарканд без боя. Пленного Халила доставили к Шахруху, и между ними был заключен договор, согласно которому Халил отрекался от власти над Мавераннахром, получал в удел город Рей и ему возвращалась его любимая жена Шади-Мульк.

Договором с Халил-Султаном закончились военные действия, и Шахрух номинально стал главой Тимуридов. Покидая в конце 1409 года Самарканд, Шахрух назначил своего малолетнего сына Улугбека (родился в марте 1394) правителем города, другой сын Шахруха, Ибрахим, правил Балхом, а с 1414 года — Ширазом. Мухаммад-Джахангир стал правителем Хисара и Сали-Сарая на Амударье, сын Омар-Шейха Ахмад — правителем Ферганы.

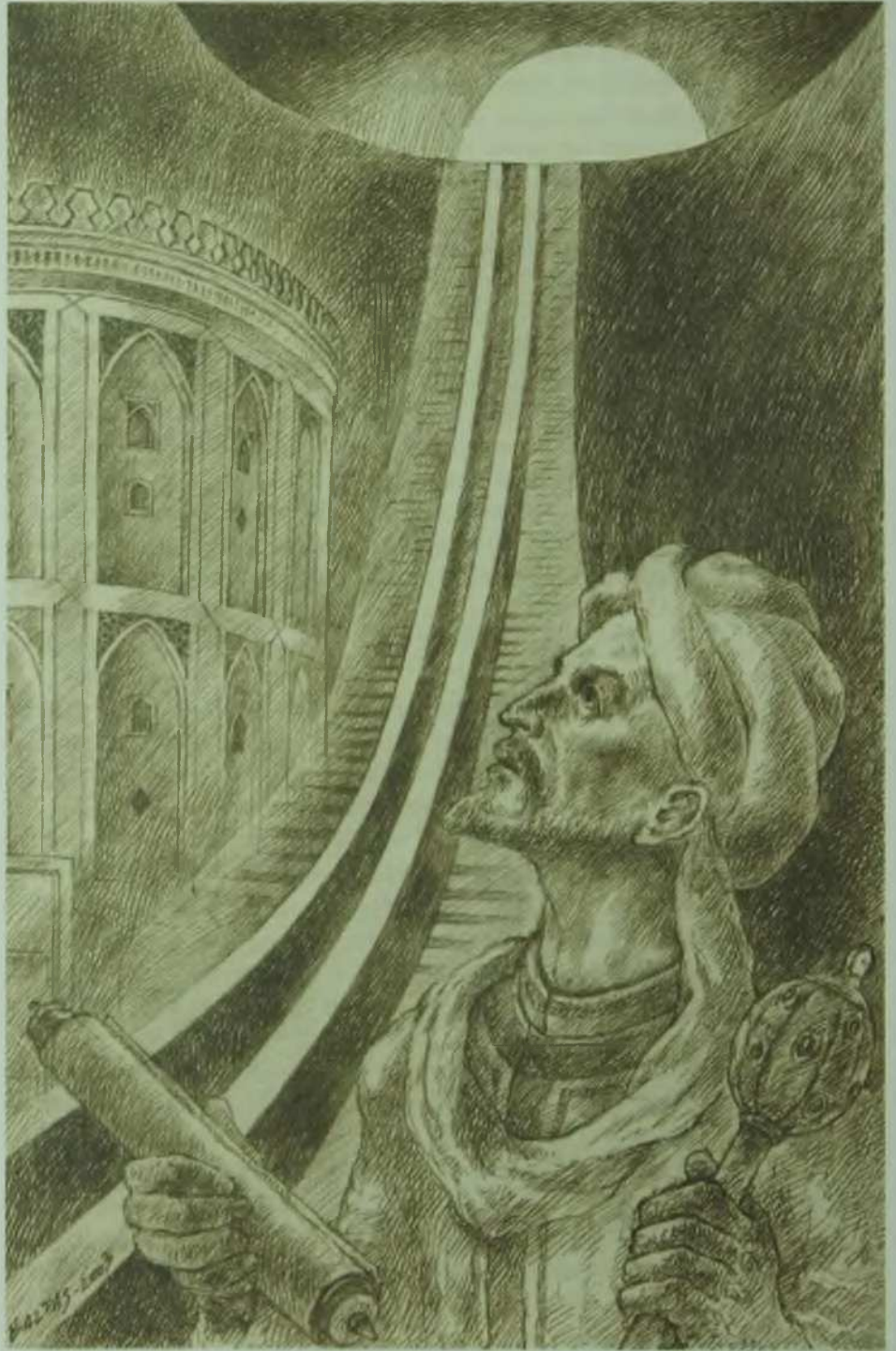
24 декабря 1409 года Шахрух возвратился в Герат, который отныне стал политическим центром государства Тимуридов. Так обыденно, без указа и объявления столицы империи стал Герат, который никогда до этого не имел значения центра какой-либо династии.

Шахрух постепенно заменил всех потомков трех старших сыновей Тимура — Джахангира, Омар-Шейха и Мираншаха, которые правили областями в разных частях страны. Теперь пришли к власти сыновья и внук Шахруха. Один из его сыновей, Байсункар, лучше других усвоивший мусульманское образование, остался в Герате, считался везиром своего отца и вместе с ним укреплял новую столицу и способствовал ее блеску.

Сосредоточение власти в руках членов семьи Шахруха не могло способствовать политической устойчивости страны. Сыновья и внуки Шахруха, правители мелких феодальных владений, вступили в борьбу между собой. Некоторые области вновь перешли во власть потомков Омар-Шейха и Мираншаха. Обширнейшее государство Тимуридов стало сокращаться и терять свое значение.

Когда Шахрух назначил старшего сына Улугбека правителем Самарканда, он рассматривал его не как независимого государя, а как своего наместника, и только.





«Другая высокая постройка Улугбек мирзы — обсерватория у подножья холма Кухак, где находится инструмент для составления звездных таблиц. В ней три яруса. Улугбек мирза написал в этой обсерватории «Гургановы таблицы».

Бабур

Однако Улугбек лишь номинально признавал верховную власть отца. На деле он самостоятельно правил в Мавераннахре.

Таким образом, хотя Шахрух и считался главой единой державы, созданной Тимуром, фактически она состояла по меньшей мере из двух государств: одного — с центром в Герате, столице Хорасана, другого — с центром в Самарканде, столице Мавераннахра.

Неизвестно, проявлял ли Шахрух при жизни отца, Тимура, то же чрезмерное преклонение перед шариатом и неуважение к законам Чингиз-хана, но во время его правления мусульманская государственная идея получила полный перевес над степной.

При дворе Шахруха в Герате подставных ханов из Чингизидов не было. В официальных документах объявлялось, что постановления и законы Чингиз-хана отменены и действует только шариат. Шахрух не обращался к египетскому халифу с просьбой об инвеституре, напротив, сам хотел быть по возможности для всего мусульманского мира халифом и султаном ислама, которому Бог вручил власть над всеми правоверными мусульманами для их блага и для проведения в жизнь предписаний веры.

Всем мусульманским правителям от Индии до Египта и Малой Азии из Герата посылались грамоты с требованием, чтобы они признали себя наместниками Шахруха, ввели его имя в пятничную молитву — хутбу — и чеканили его имя на монетах.

Однако для политической истории региона столь громкие заявления и амбициозные притязания Шахруха не имели сколько-нибудь заметного значения ни в годы его царствования, ни после. Более того, сын Шахруха Улугбек (умер в 1449), который, как уже говорилось, от имени своего отца правил в Самарканде, но фактически — самостоятельно, ценил родство с Чингизидами и подобно Тимуру называл себя *Гурганом* — зятем ханского «золотого рода». Улугбек старался соблюдать, особенно в военных делах, все законы Чингиз-хана, он назначал по примеру Тимура подставных ханов в Самарканде и вообще правил в Мавераннахре в духе своего деда, который, как мы знаем, дорожил законами Чингиз-хана.

Шахрух не отличался особыми талантами и не был сильным государственным деятелем. Он не совершал новых крупных завоеваний, не принимал меры к развитию земледелия, покровительствовал торговле, уделял большое внимание расширению международных связей. Годы длительного правления Шахруха были годами относительного спокойствия, хотя, конечно, в стране постоянно происходили мелкие мятежи и стычки.





Хотя Шахрух и считался главой единой державы, созданной Тимуром, фактически она состояла по меньшей мере из двух государств — Хорасана и Мавераннахра.



12 марта 1447 года Шахрух умер, и в государстве Тимуридов начались серьезные смуты и междоусобные войны, длившиеся более десяти лет. За это время Тимуриды лишились западной части Ирана, которая перешла к представителям другой тюркской династии под названием Ак-Коюнлу, а затем — Кара-Коюнлу. В то же время, во второй половине XV века, государство Тимуридов окончательно распалось. Мавераннахр с центром в Самарканде остался под властью внука Мираншаха Абу Саида и его сыновей, а Хорасан перешел под власть Султан-Хусейна Байкары (правил в 1469—1506), потомка Омар-Шейха.





КУЛЬТУРНАЯ  
ЖИЗНЬ.  
АЛИШЕР НАВОИ  
И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Герат стал одним из наиболее населенных и крупных городов Ближнего и Среднего Востока именно в годы правления Шахруха. Площадь Герата без пригородов составляла не менее двух с половиной квадратных километров. Город был окружен мощной крепостной стеной, образующей квадрат, стороны которого ориентировались на четыре части света. Крепостные стены возводились на насыпи, у подножия которой прорыли ров.

Стены имели контрфорсы, полубашенки и другие укрепления. Общее число башен в XV веке, согласно Исфизари, доходило до ста сорока девяти, особенно мощными были угловые башни. Город имел пять ворот, к которым вели подъемные мосты.

Герат из конца в конец пересекали взаимно перпендикулярные магистрали, по обеим сторонам которых тянулись лавки. Среди жилых строений было немало двухэтажных домов с застекленными окнами. Город славился крытыми базарами.

Герат окружали бесчисленные сады, в которых члены царствующего дома и знатные горожане имели богатые дворцы, там они жили почти круглый год. Некоторые сады были настоящими произведениями садово-паркового искусства и отличались огромными размерами. Один из парадных садов Султан-Хусейна Байкары, *Баг-и Джахан-ара* («Сад — Украшение Мира»), раскинулся на площади в пятьдесят три гектара.

Высокого для своего времени уровня развития достигли многие отрасли гератского ремесленного производства. Город превратился в один из центров международной торговли.

Шахрух стремился придать своей столице обаяние и блеск, превратить ее в культурный центр государства. И это ему удалось в полной мере. В годы его правления в городе сооружались величественные здания. Двор правителя блистал знаменитостями. Писатели и историки пользовались покровительством членов царствующего дома, а в специальных мастерских искусные мастера каллиграфии переписывали, а художники и позолотчики украшали миниатюрами великолепные рукописи.

Замечательно, что потомки Тимура способствовали развитию тюркской литературы, о которой историографы самого Тимура почти ничего не говорят. Но после смерти Тимура писавшие на тюрки поэты Секкаки и Лутфи приобрели широкую популярность. А уже при Шахрухе и Улугбеке и представители династии Тимуридов писали стихи на тюркском языке, среди них достоин быть отмеченным Сиди-Ахмад, сын Мираншаха.

Но всех чагатайских поэтов затмил во второй половине XV века Алишер Навои (Мир Али-Шир Навои).





Алишер Навои — один из выдающихся деятелей мусульманской культуры, творчество которого однозначно делит тюркскую литературу эпохи средневековья на периоды «до» и «после». Период истории арабографической тюркской литературы «до» Навои начинается Юсуф Баласагунский поэмой «*Кутадгу билиг*» («*Благодатное знание*»). Закончена она была в Кашгаре в 462 году хиджры/1069—1070. И сегодня, более девятисот лет спустя, мы понимаем, что и в периоде «до» были свои вершины.

Но все-таки апогея тюркская поэзия достигла в творчестве Алишера Навои. Его творчество стало самым значительным явлением не только в литературе, но шире — в культурной жизни Средней Азии.

Полное фамильное имя поэта — Низам ад-Дин Мир Али-Шир ибн Гийас ад-Дин Кичкине. **Навои (Наваи)** — его тахаллус, другой его литературный псевдоним — **Фани**.

Непосвященные могут предположить, что Навои жил и творил на территории современного Узбекистана, в Самарканде или Ташкенте. Его имя носит город неподалеку от древней Бухары. Лишь посвященные знают, что великий тюркский поэт Алишер Навои, произведения которого были известны от берегов Енисея до берегов Босфора, родился, вырос и сочинял в Герате, в нетюркоязычной среде, а точнее, где турки представляли исключительно династию и войско. Это феномен Навои, его загадка, на которую пока нет однозначного ответа.

Немало интригующих тайн хранит биография Навои. Вот всего лишь три эпизода из его жизни.

**Эпизод первый.** Алишер Навои родился в Герате в 844 году хиджры/1441. В хвалебной биографии, написанной при жизни поэта историком Хондемиром, говорится, что семья Навои принадлежала к знатной аристократии и стояла близко к царствующему дому Тимуридов. Поэтому, считает биограф, Навои был «эмиром» по рождению.

Однако Мухаммад Хайдар Дуглат, автор «*Тарих-и Рашиди*», говорит иначе: происходил Навои из бахши, отца его «называли Кичкине-бахши, и он был должностным лицом». В таком случае поэт принадлежал по рождению не к родовой знати, а к канцелярским чиновникам. В ту эпоху *бахши* прилагалось и к литераторам двора, и к чиновникам канцелярии, писавшим литературные произведения и канцелярские документы уйгурским курсивом по-тюркски. Бахши были при дворе самого Тимура и многих туркестанских правителей; самые подробные сведения о них сообщают ираноязычный анонимный автор «*Муизз ал-ансаб*» («*Книга, прославляющая генеалогии*») и продолжатель его сочинения.

**Эпизод второй.** Навои прожил жизнь в богатстве и роскоши, окруженный рабелепными слугами и многочисленными поклонниками



«Алишер бек был человек бесподобный. С тех пор как на тюркском языке слагают стихи, никто другой не слагал их так много и так хорошо. Персидский диван он тоже составил; в персидских стихах он употреблял тахаллус Фани».

Бабур

его литературного таланта. Умер Навои 3 января 1501 года в Герате, не создав семьи и не имея потомства. Об этой стороне жизни Навои пишет Тимурид Бабур в своих «Записках»: «Без сына и без дочери, без жены и без семьи прошел он прекрасно свой путь в мире, одиноко и налегке».

Бессемейная и бездетная жизнь Навои, конечно, для мусульман была необычной. И родилась легенда. Обратимся к ней.

Профессор А. А. Семенов (1873—1958), блестящий знаток истории и культуры народов Средней Азии, по воле судьбы оказался первым, кто обнаружил прекрасную персидскую новеллу об Алишере Навои и ввел ее в научный оборот.

Однажды, до революции или сразу же после нее, Александр Александрович по своему обыкновению отправился на базар в Ташкенте и там среди груды старых книг обнаружил и приобрел *конволют* — сборную рукопись, основной текст которой составляли разделы четвертого тома «*Раузат ас-сафа*» Мирхонда, а остальную часть — несколько других произведений, ничем между собой не связанных. Среди них и оказалась датированная 1251 годом хиджры/1835—1836 небольшая повесть на персидском языке, излагающая легенду о молодых годах жизни Алишера. Перевод новеллы А. А. Семенов опубликовал в 1926 году в 13-м выпуске «Бюллетеня Среднеазиатского государственного университета» (с. 177—185). Содержание легенды сводится к следующему.

Вначале в ней повествуется о том, как благодаря своему остроумию в общении с государем Султан-Хусейном Байкара Алишер из богатого собственника превращается в могущественного везира. Затем автор передает трогательное предание о трагической любви Навои к молодой красавице Гюль.

Случайно увидев красавицу на крыше дома, Навои влюбился и добился от нее и ее отца согласия на брак. Но на другой день мимо дома невесты Навои проезжал на охоту сам Султан-Хусейн. Увидев девушку, он тоже воспылал к ней страстью и послал Навои сватать ее для себя. Не смея ослушаться повелителя, Навои выполнил возложенное на него поручение и добился согласия девушки. Однако согласие это было дано ею с одним условием — везир выполнит все, что потребует от него бывшая невеста.

Перед свадьбой она призвала к себе Навои и приказала ему проглотить снадобье, заказанное ею у аптекаря, причем сама она в то же мгновение проглотила какое-то другое зелье. Прощаясь, Гюль объяснила Навои, что приняла яд, который через сорок дней сведет ее в могилу, а ему дала лекарство, навсегда сделавшее его бездетным.

Через сорок дней красавица Гюль действительно умерла, и оба соперника, Навои и Султан-Хусейн, объединенные общим горем, предали земле прах любимой женщины.

**Эпизод третий.** Навои не было еще и шестидесяти лет, когда его жизнь, для многих загадочная, прервалась, и он ушел в мир иной. К этому времени он стал совершенно дряхлым стариком, уже многие месяцы не мог передвигаться самостоятельно, а только опираясь на плечи двух слуг.

Зато Навои — поэт от Бога. Однажды он признался Мауляна Сахиб-Дару, человеку, входившему в число близких ему людей из домашнего окружения:

«Свеча передо мной горит до рассвета, а чернила и калам — при мне неотлучно, чтобы я мог сразу заковать в цепи письма мысль, как только придет она мне в голову».

Так, нещадно трудясь дено и ношно, Навои не только блестяще реализовал свой, отпущенный ему природой, духовный и творческий потенциал, но помог многим на этом трудном пути. Деятельность гератского литературного круга во главе с Алишером Навои — тема давняя и необъятная. Мне хотелось бы добавить в ее содержание лишь несколько штрихов.

Герат, столица Тимуридов времени Алишера Навои, был и центром утонченной культуры, и центром разврата. Последний из Тимуридов Султан-Хусейн (1469—1506), друг Навои, поощрял грандиозные кутежи и развлечения. Одной из излюбленных форм постоянного общения светских кругов Герата служили литературные пиры. В этих вечеринках, неизменно сопровождавшихся неумеренным пьянством, принимали участие поэты и остролисты, музыканты и певцы. На таких сборищах всегда присутствовала разношерстная публика, состоявшая из «любителей красноречия». Местом встречи служили и загородный дворец, и городской дом, и просто лавка переплетчика книг на столичном базаре.

Среди последних Тимуридов и людей их окружения было немало тех, кто предавался жизненным удовольствиям, кутежам и любовным утехам с чрезмерным усердием. Благодаря Навои, Бабуру и другим, не одобрявшим такой образ жизни, мы знаем имена многих тех риндов — кутил и беспутников. Здесь отмечу лишь одного из них. Выдающимся риндом был сам государь Султан-Хусейн. В дни своей молодости совершивший много подвигов, владевший мечом как никто другой из Тимуридов, к тому же наделенный высоким поэтическим даром, он стал пить с молодых лет и пил в течение почти сорока лет своего царствования каждый день, хотя, по словам Бабура, не с утра, а только после полуденной молитвы.





Среди представителей интеллигенции эпохи Алишера Навои были и такие, которые сиднем сидели за книгой, но ни им самим, ни обществу пользы это не принесло. Одним из таких был, в частности, Мауляна Шами из Дамгана.

«Занимаясь очень много, — читаем мы в *Маджалис ан-нафаис* («Собрание избранных») Алишера Навои, — он многократно изучал книги канонических наук, но муллою не сделался. Впоследствии он занимался медициной, изучил множество почтенных трудов, но в число *табибов* (врачей) тоже не вошел. Он хорошо сочинял стихи, но из-за скверного почерка не мог сам писать их».

Однако не те ринды, даже и хорошие стихотворцы, и не эти грамотей-книголюбы составляли подлинное лицо Герата и определяли характер эпохи Навои. Лицом Герата были другие, один из них — Камал ад-Дин Бинаи.

«Он — из среднего сословия, — писал Навои о своем младшем коллеге. — Место его рождения — Герат. Дарования у него высокие. Сначала он изучал светские науки и во всем проявлял зрелость ума. Скоро их оставил, возымел любовь к каллиграфии. В короткое время овладел этим искусством. Проявил склонность к теории музыки. Быстро освоил ее, создал много музыкальных произведений и написал трактат по теории музыки. Однако по причине самонадеянности и заносчивости он не пользовался любовью людей. Из-за этих дурных свойств он избрал путь дервиша и терпел в том лишения. Поскольку у него не было наставника — *пира* и духовного руководителя — *мюршида* и он действовал по своему усмотрению, то никакой ему пользы это не принесло. Из-за попреков и укоров людей он не смог оставаться в Герате. Отправился в Ирак. Оттуда тоже доходили слухи подобного рода. Но так как он молод, испытал горечь скитаний на чужбине и разочарования, есть надежда, что гордыня его сломится, а душа его обретет скромность».

Именно знаменитого Навои и даровитого Бинаи, славного Мирхонда и блистательного Хондемира прежде всего имел в виду Тимурид Бабур, когда писал:

«Время Султан-Хусейна было удивительным временем: Хорасан и в особенности город Герат были наполнены людьми выдающимися и несравненными; стремление и цель каждого, кто был занят каким-нибудь делом, были направлены к тому, чтобы довести это дело до совершенства».

Эпоха Тимуридов поистине была удивительной эпохой в истории народов Средней Азии. Это было время, когда завоевательным войнам был положен конец, когда исключительное внимание уделялось мирному созиданию. Империя процветала, главные города украшались ве-

ликолепными постройками, шло восстановление разрушенных городов и заброшенных каналов, власти проявляли заботу о сохранении для потомков памятников письменной культуры прошлых эпох, о создании новых литературных произведений.

В этом созидательном труде активнейшее участие принимали многие государственные мужи и деятели культуры как своим каламом, так и своими динарами. В частности, в пригороде Герата, на земле, подаренной Хусейном, выдающийся тюркский поэт Алишер Навои возвел огромный комплекс благотворительных учреждений, нечто вроде современного университетского городка. Комплекс зданий включал ханаке — обитель с кельями для религиозных подвижников, которая называлась *Халасийе* (свободное от материальных забот), и медресе — высшее учебное заведение под названием *Ихласийе* с богатой библиотекой и мастерской, где над созданием книг трудились известные ученые, одиннадцать каллиграфов, шесть живописцев и многие другие мастера.

Здесь находили приют, питание, условия для творчества и занятий сотни людей, ищущих знаний. В числе ценнейших памятников, созданных здесь, — знаменитый семитомный труд по всеобщей истории «*Раузат ас-сафа*» Мирхонда, «*Хуласат ал-ахбар*» Хондемира и другие. Может быть, еще многому дано было бы родиться в стенах этого комплекса и в стране в целом, но колесо Истории совершило опять неожиданный и крутой поворот.

В самом начале XVI века государство Тимуридов было завоевано кочевыми племенами с севера, из Восточного Дешт-и Кипчака. Началась новая страница истории Средней Азии.





ЗАВОЕВАНИЕ  
ГОСУДАРСТВА ТИМУРИДОВ  
ВОЙСКАМИ  
ШЕЙБАНИ-ХАНА

В конце XV века внутреннее положение государства Тимуридов сильно ухудшилось. Власть Султан-Хусейна ослабела в результате борьбы с сыновьями и непокорными вассалами. В крупных городах Мавераннахра появились самостоятельные, враждующие между собой правители. Каждый из них обращался за военной поддержкой то к ханам Моголистана, то к предводителям тюркских кочевых племен Восточного Дешт-и Кипчака. В результате этих внутренних распрей Тимуриды потеряли все свои владения на северо-востоке.

Предводитель кочевых племен Восточного Дешт-и Кипчака Мухаммад Шейбани (так!), потомок Джучи, старшего сына Чингиз-хана, воспользовался политической раздробленностью государства Тимуридов и выступил с территории современных казахских степей на юг для захвата власти у Тимуридов.

Завоевание Мавераннахра и Хорасана Мухаммадом Шейбани (здесь Мухаммад — собственное имя, а Шейбани — *тахаллус*, литературный псевдоним) шло стремительно. Вот краткая хронология событий тех лет и победного шествия Шейбани.

1500 год — захвачена Бухара и передана в удел младшему брату Махмуд-султану.

1501 год — отвоёван у Тимурида Бабура Самарканд, город становится столицей государства.

1503 год, конец весны — нанесено поражение объединенным силам моголов и их союзников во главе с Махмуд-ханом, его братом Ахмад-ханом и Бабуром в бою под Ахси, у города Архиан. Захват Ташкента, Шахрухие, Ура-Тепе и других городов и крепостей.

1504 год, весна — завоевана Фергана. Поход на Хорезм.

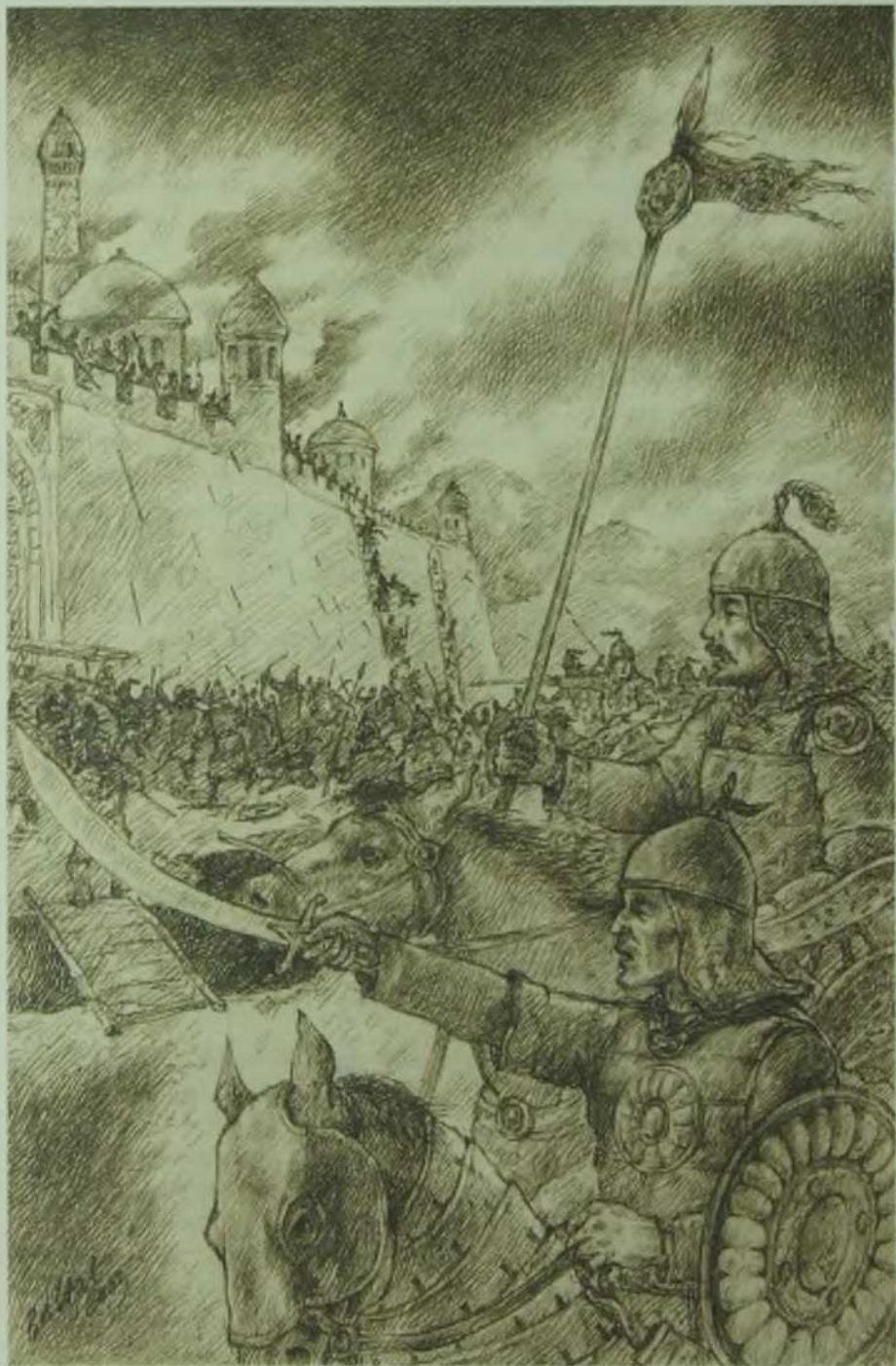
1505 год, август — после десятидневной осады взят Ургенч. Город защищал наместник Султан-Хусейна Чин Суфи. Следует отметить выдающуюся роль в десятидневной обороне города туркменского племени адак. Самое подробное описание завоевания Мухаммадом Шейбани Хорезма принадлежит перу Мухаммада Салиха, участника похода, хорезмийцу по происхождению.

1506 год, 5 мая — скончался Султан-Хусейн Байкара. Его сын и премьерник Бади аз-Заман не сумел организовать отпор дештцам, и осенью того же года Балх сдался Мухаммаду Шейбани.

1507 год, май — гератское войско разбито и, согласно Хондемиру, утром 23 мая Мухаммад Шейбани вошел в Герат и потребовал от простых жителей города уплаты контрибуции в сто тысяч и дополнительно от знати — тридцать пять тысяч тенгече. Город подвергся двухдневному грабежу. Войска Шейбани захватили еще несколько городов Хорасана. Мухаммад Шейбани все лето провел в Герате и лишь осенью 1507 года отправился из Хорасана на зимовку в Мавераннахр.







«Осада тянулась  
уже очень долго,  
а припасов и продо-  
вольствия ниоткуда  
не приходило,  
помощи и поддержки  
ни от кого не было».

Бабур

1508 год, весна — новый поход на Хорасан. Последняя надежда Тимуридов — Бади аз-Заман бежал на запад, в Азербайджан, после долгих скитаний скончался в Стамбуле в 1517 году.

Так, Джучид Мухаммад Шейбани стал владельцем обширного государства, простиравшегося от Сырдарьи и низовьев Амударьи до Центрального Афганистана.

Небезынтересно отметить, что официальная хроника истории Мухаммада Шейбани «*Таварих-и гузида-йи нусрат-наме*» представляет Тимура как безродного узурпатора, имена предков которого толком не известны. В источнике обыгрывается имя отца Тимура — Тарагай и созвучное этому имени тюркское *тариг* — «просо».

Некто, сообщает историограф Мухаммада Шейбани, состоял на службе у Чагатай-хана, второго сына Чингиз-хана. «Он сеял просо (*тариг*) для дома Чагатая и был хранителем его амбаров в городе Алмалыке (тогдашняя столица Чагатайского улуса в долине реки Или. — Т. С.). Отец Тимура, Тарагай, — потомок того самого *таригбагчи* (работника по уходу за просом)».

Сам факт завоевания Мухаммадом Шейбани государства Тимуридов в источниках шейбанидского круга (в различных по форме и языку исторических произведениях, написанных в начале XVI века по поручению, одобрению или при прямом участии Мухаммада Шейбани) обосновывается так: Мавераннахр — владение Чингизидов. Но случилось так, что эта область оказалась в руках Тимура и его потомков, «совершенно вышла из повиновения потомков Чингиз-хана и имеет намерение быть независимым и полновластным в управлении государством...».

«Если некоторые области мы и отняли из рук потомков Тимурибека, — говорил Мухаммад Шейбани историку Ибн Рузбихану, — то не из жадности царствовать и не из-за недовольствования малой страной, а скорее в силу божественного предопределения, которое требует, чтобы наследственное владение вновь вернулось в руки нашей власти и воли».

В приведенном эпизоде из сочинения Ибн Рузбихана «*Михман-наме-йи Бухара*» — «*Записки бухарского гостя*» вот что еще показательно.

В рассматриваемое нами время к истории обращались не только с познавательной целью, читатели исторической книги искали в ней не только моральное поучение. К истории нередко обращались для оправдания злободневных интересов, подыскивая исторические обоснования, например, для территориальных притязаний и военных вторжений. Практическое значение истории, связь истории и политики здесь очевидны.

Однако историческая книга в культуре Средней Азии — эта особая тема.





# ЭПИЛОГ



Книги, как и люди, рождаются в муках и, выйдя из-под пера своего создателя, приобретают самостоятельную жизнь. Основу жизни книги во времени составляет восприятие ее последовательно сменяющимися поколениями читателей. От характера отношения **литературное произведение — читатель** зависит, будет ли эта жизнь активной или же, вопреки субъективным намерениям автора, пассивной.

Муки творчества, испытываемые автором литературного и научного труда, замечательно точно описывает средневековый арабский литератор ал-Кади ал-Фадила ал-Байсани:

«Я заметил, что как только человек напишет что-нибудь в один прекрасный день, то назавтра непременно скажет: «Если бы вот это изменить, было бы лучше; если добавить эдак, то удостоилось бы похвалы; если переставить это вперед, было бы удачнее, а если опустить то, получилось бы красивее». Таков поучительнейший опыт, и он свидетельствует о том, что человеку свойственно несовершенство».

**Санкт-Петербург  
Август, 2002**

**Т. Султанов**



# СОДЕРЖАНИЕ

<b>ТИМУР</b>	7
Распад Чагатайской державы в Туркестане	8
Первые верховные эмиры Мавераннахра	20
Тимур в средневековых сочинениях	26
Отрочество и юность Тимура	32
Туглук-Тимур-хан и Тимур: вхождение во власть	38
Эмир Хусейн и Тимур: зигзаги судьбы	44
Джанг-и лай — «Грязевая битва»	52
Тимур — верховный эмир Мавераннахра	58
Титулы Тимура, его герб и девиз	66
Правление Тимура	70
Самарканд — столица государства Тимура	78
Организация войска Тимура	88
Завоевательные походы Тимура	96
Дештикипчакский поход Тимура и открытие	
Каныша Сатпаева	104
Тимур, Баязид и война	110
Последний поход и смерть Тимура	116
<b>ТИМУРИДЫ</b>	123
Судьба политического завещания Тимура	124
Шахрух	130
Культурная жизнь. Алишер Навои и его окружение	136
Завоевание государства Тимуридов войсками	
Шейбани-хана	144
<b>ЭПИЛОГ</b>	148

Научно-популярное издание  
Серия «Слово седьмое»

**Турсун Икрамович  
СУЛТАНОВ**

# ТИМУР И ЕГО ИМПЕРИЯ

Иллюстрации *Балтаса Оспан*  
Оформление серии *Андрея Таловикова*

Стихотворение *М. Жумабаева*  
помещено в переводе *К. Бакбергенова*,  
отрывок из «Третьей беседы о султанах»  
*А. Навои* — в переводе *В. Державина*

Редактор *С. Гусакова*  
Корректор *В. Харченко*  
Художественный редактор *Б. Сопыбеков*  
Технический редактор *А. Соколова*  
Верстка *Л. Корешковой*,  
Допечатная подготовка издания *Е. Корешкова*

ИБ N°8987.  
Сдано в набор 06. 02. 2003.  
Подписано в печать 10. 12. 2003.  
Формат 84×108 1/16  
Бумага офсетная легкоmelованная.  
Печать офсетная.  
Гарнитура Gill Sans.  
Усл. п. л. 15,96+0,64 форз.  
Усл. кр.-отт. 66,92.  
Уч.-изд. л. 10,18+1,0 форз.  
Заказ N°1253  
Тираж 3000 экз.

ЗАО «Издательство «Мектеп».  
480009, г. Алматы, пр. Абая, 143.  
Телефон отдела реализации: (3272) 42-19-68.

Полиграфкомбинат корпорации «Атамұра»  
480002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41